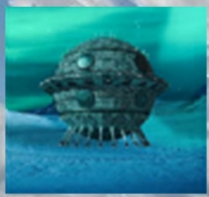
Фэнтези - Фантастика

Александр ЗИБОРОВ

Беззлая,
Гора Огня,
Перекрёсток времён
и др.



12+

Александр Зиборов

Беззлая, Гора Огня, Перекрёсток времён и др.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38842915
SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник фантастических рассказов в увлекательном жанре "фэнтези" – "Гора Огня", "Беззлая", "Перекрёсток времён", "Стена", "Только захотеть", "Фирдоуси", "Зеркало", "Библохронокар", "Заповедник".

Содержание

Гора Огня 4
Беззлая 24
Перекрёсток времён 37
Стена 45
«Библохронокар» 56
Только захотеть 73
Зеркало 86
Фирдоуси 94
Заповедник 102

Гора Огня

Чёрный паук с мохнатыми лапками полз по земле, неся на спине зловещий крест.

Мальчик поднял ногу, но тут же опустил, не решившись раздавить насекомое. Паук быстро побежал и скрылся в траве.

– Что ты там увидел, сынок? – подошла мама.

– Здесь был паук, – ответил мальчик, – отвратительный паук с крестом на спине. Наверное, злой.

– Он ядовит. Таких следует уничтожать, они могут причинить вред людям.

– Жалко, – признался мальчик, – он же живой. Как мы.

Женщина провела рукой по вихрастой голове сына и тихо сказала:

– Ты очень добрый мальчик, это хорошо, но иногда добро должно иметь кулаки, чтобы защитить себя. Запомни это, сынок…

+ + +

Рустам заканчивал последнюю проверку всех систем мезоскафа (так именовали его времяпроходцы), в нём ему скоро предстояло отправиться в прошлое.

Тщательно осмотрел сочленения прочнейшего армированного каркаса, воспринимавшего на себя все внешние физические нагрузки. Синтетические мускулы в тысячи раз

умножали силу человека. С их помощью можно было гнуть рельсы, поднять океанский лайнер, жонглировать многотонными валунами.

При всём этом мезоскаф походил на тончайшее трико телесного цвета, носился под обычной одеждой и был совершенно незаметен под ней. Хотя он весил не одну тонну, ибо был изготовлен по последним нанотехнологиям из перестроенного на атомарном уровне вещества, плотность и прочность которого достигали немыслимых пределов. В него были встроено много чего: машина времени, электронный мозг, силовые агрегаты и аккумуляторы, питающие системы этого чуда инженерной мысли свободного человечества двадцать второго века.

В это время к Рустаму семенящей походкой подошёл Дувонаев, сухопарый старичок с лицом шафранного цвета, усеянном бороздами, арыками и канавками морщин, которые прокопало безжалостное время. На голове его красовалась синтетическая тюбетейка уратюбинской работы. Раньше Дувонаев работал времяпроходцем, неоднократно посещал прошлое, но одно из таких путешествий закончилось для него неудачно – он был контужен, что не обошлось без последний для его здоровья. Дувонаеву пришлось переквалифицироваться – стать историком. В институте исследования пространства-времени его считали человеком с чудинкой, прожектёром. В последние годы Дувонаев носился с проектом, которым намеревался осчастливить человечество.

«Сейчас он опять заведёт разговор о своей Горе Огня», – усмехнулся про себя Рустам, но его лицо осталось бесстрастным. Синие глаза под светлыми волосами смотрели доброжелательно.

– Э-э, – неопределённо начал Дувонаев, – я давно хочу спросить вас, Рустам, о ваше внешности. Она – э-э – несколько необычна для таджика. У вас белое лицо, светлые волосы, синие глаза, ямочка на подбородке. Только один нос – э-э – так сказать, соответствует.

– Я из Шугнана, там таких немало. По преданиям мы – потомки славных саков, – ответил Рустам. – Ещё вопросы имеются?

– Конечно, имеются. Я слышал, что завтра вы отправляетесь в прошлое, не так ли?

– Совершенно верно.

– У меня к вам будет одна маленькая, но весьма важная просьба, – подобострастно заглянул Рустаму в глаза историк. – Очень прошу вас исполнить её, очень прошу. Это почти вам по пути, то есть, я хочу сказать, почти в том времени, куда вас посылают работать. Так что моя просьба большой помехой не будет. Видите ли, у меня имеется грандиозный проект использования Горы Огня, это принесёт человечеству огромную пользу. Всё стопорится за одним – определением точной причины и даты возникновения пожара. Мы должны его предотвратить. Там же горит не менее нескольких миллионов высококачественного угля, и горит без вся-

кой пользы около двух с половиной тысяч лет. Пропадают зря. Совершенно зря. А вы сами знаете, как уголь необходим нашей промышленности!

– Знаю, знаю, – закивал Рустам и подумал, что промышленность двадцать второго века неплохо обходится и без угля. Широко используются энергии солнца, ветра, приливов, внутреннее тепло планеты, холодный термояд и прочее. – Хорошо знаю, о Горе Огня вы мне рассказывали, и не один раз!

– Значит, исполните просьбу старика? Ну, что вам стоит?! – оживился Дувонаев, его лицо осветилось неподдельной радостью.

«С какой стати! – мысленно возмутился Рустам. – Я ничего не обещал, не хочу и не буду. Да и это совершенно зряшное дело, никто не позволит столь грубо вмешиваться в прошлое. Нет, не позволят! И не ахти как нужен уголь, этот Дувонаев мыслит отжившими категориями. Тем более, у меня жёсткая программа исследований восстания Спитамена. Нужно выяснить личность этого безумно отважного человека, решившегося на безнадёжную борьбу с могучим врагом. Загадочнейшая личность в истории! Поднял восстание против армии непобедимого Александра македонского, но был предан своими же сподвижников, которые ночью подло убили его, отрезали голову и отвезли его врагам. Жуткая смерть!.. Словом, работы много, а тут ещё Дувонаев со своей Горой Огня. К чему мне лишние хлопоты? Нужно тактично

отказать».

Ещё минут пять Рустам отнекивался, говорил, что это невозможно, но в какой-то момент, посмотрев на наивное лицо старого историка, в его ждущие глаза и неожиданно для себя самого согласился:

– Так и быть, исполню вашу просьбу. – Мысленно же себя утешил: «Ничего, времени это займёт немного, а старику будет приятно».

– Пребольшущее спасибочки, Рустам-джан! – обрадовался Дувонаев. – Я всегда знал, что вы не откажете, у вас такое доброе лицо!

– Простите, но здесь не место посторонним, – вежливо, но твёрдо произнёс Рустам.

– Да какой же я посторонний?! – всплеснул руками историк. – Я такой же сотрудник института, как и вы!

– Здесь все, кроме меня, посторонние, – непреклонно повторил Рустам, – и вы это хорошо знаете. Мне нужно закончить проверку мезоскафандра, от его состояния зависит и моя жизнь, и результаты работы. Как и исполнение вашей просьбы.

Дувонаев обиженно заморгал белесыми ресницами и заторопился:

– Вы правы, правы! Простите великодушно, уже ухожу, ухожу, ухожу! А это вам, почитайте на досуге. Тут всё сказано. До свидания!

Он сунул в руки Рустама брошюрку и удалился.

В двадцать втором веке давно уже пользовались электронными носителями информации, кроме небольшого круга чудаков, не пожелавших расставаться с книгами. Дувонаев был из их числа.

Рустам вздохнул, открыл брошюрку и пролистал её, заранее зная, о чём она.

Конечно же, это была научная работа историка о горе Кантаг – «Рудной горе», так переводилось это слово с таджикского. Дувонаев же любил пользоваться старинным образным названием – Гора Огня. Находилась она на полпути между Душанбе и Ходжентом в долине реки Ягноб. С ней было связано множество древних народных преданий и легенд.

Одна из них повествовала о грозном демоне – повелителе подземного огня, который, якобы, жил в горе. Другое предание связывало это место с именем вождя восставших согдийцев Спитаменом. По какой причине, непонятно.

Гора Кантаг была хорошо известна в Средней Азии из-за огня, бушующего в её недрах. Там, в толще песчаника и сланцев, горели пласты каменного угля. Подземное пламя изнутри разъедало гору.

«Первое упоминание о «полыхающих огнях в Бактриане» мы встречаем в книге римского писателя Плиния Старшего, жившего в 23-79 годах нашей эры, – прочёл Рустам в книжке Дувонаева. – Арабские путешественники сообщали об огнях Согда, которые были видны за сто фарсангов (около 80

километров). Старинные китайские источники хранят записи о таинственных свечениях в горах Уструшаны, которые издревле являлись объектом поклонения местных жителей, исповедующих зороастризм.

Интересный факт. Всем известно, что по склону горы Кантаг пролегает путь к высокогорному озеру Искандеркуль, названного именем Александра Македонского (по-местному – Искандера Зулькарнейна, Двурогого). Легенда сообщает, что выше упомянутое озеро появилось после того, как полководец приказал своему войску запрудить протекавшую тут речку, дабы утопить укрывшихся в горном урочище мятежников.

Внимательно читая подробные изложения античных авторов, в первую очередь Арриана, о походах великого македонца, мы ни разу не встретим даже намёка на подземный огонь в этих местах. Кое-кто видит в этом доказательство того, что Завоеватель мира никогда не был в тамошних местах, раз не видел столь необычной горы. Мы же уверены, что дело в другом – просто подземного огня тогда ещё не было или он тогда только-только начинал разгораться. Есть основания считать, что пожар внутри горы начался именно в эпоху македонского нашествия в Среднюю Азию».

Далее Дувонаев пространно излагал свой нелепый проект тушения этого огня в самом его зародыше и спасения для будущего человечества миллионов тонн высококачественного угля.

«Но тогда бы значительно, а может быть, и неузнаваемо изменился ход истории, – подумал Рустам, – на это мы не имеем права. А выяснить причину возгорания угля я постараюсь, раз он так настырно просит, ублажу старика, пусть порадуется. Для этого спущусь в прошлое на десяток лет глубже, чем мне нужно по заданию. Всё разузнаю, а потом займусь своим делом – выясню, что это за личность Спитамен?..

Но хватит, зря теряю время, нужно заняться проверкой всех систем мезоскафа. Хоть его готовили самым тщательным образом, но никакая перестраховка не окажется лишней. В работе вся надежда только на него, если что случится с ним, то могу вообще назад не вернуться…»

Рустам принялся облачаться в мезоскафандр. Вернее, сам влез в него, ведь он даже не мог поколебать свой многотонный «костюм». Только когда оказался внутри, искусственные мускулы позволили привести его в действие и двигаться в мезоскафе совершенно свободно: всю нагрузку нёс на себе армоскелет. Времяпроходцу оставалось лишь управлять работой могучих мышц. Защитное силовое поле делало человека абсолютно неуязвимым: пекло вулкана, лютая стужа полюсов, термоядерная бомба, различные смертоносные излучения не могли причинить времяпроходцу даже малейшего вреда. Специальная установка делала его невидимым, а микролазеры с автоматической наводкой, которую производил компьютер, могли резать металлы, скалы. Синтезатор изготовлял воду и пищу, необходимые лекарства, материалы, из-

делия, инструменты…

Словом, Рустам носил на себе под одеждой настоящую крепость с миниатюрным заводом-комбинатом в придачу!

Подобная система защиты вовсе не была чрезмерной, нет. Свойства пространства-времени ещё не были познаны до конца, и порой подбрасывало неприятные сюрпризы, например, в виде темпоральной контузии, природу которой учёные не выяснили до сих пор. Иногда после путешествия во времени человек мог оказаться в топком болоте, в толще океанских вод, в огненной лаве вулкана… Защитное снаряжение времяпроходца должно было исключить любые случайности, ведь вернуться в своё время ему не мог помочь никто, он должен был надеяться только на себя самого. Как шутили в институте, «спасение утопающего – дело рук и ножек самого утопающего…»

Крайне редко, но иногда случалось, что человек «застревал» (по профессиональному жаргону» времяпроходцев) в той эпохе, где он оказался, и оставался там навсегда.

Время можно уподобить воде: чем глубже в него погружаешься, тем больше требуется усилий, энергии для движения в его толще. А вот обратный процесс совершался значительно быстрее и легче – прошлое словно бы выталкивало инородное тело.

…Рустам решил отправиться в 339 год до нашей эры, хотя по заданию ему требовалось появиться в прошлом лет на десять позже. Это нужно было ему для исполнения просьбы

настырного Дувонаева.

Вошёл в тесную камеру стационарной машины-времени. Она отошлёт его в нужное время, как батискаф, а для перемещения в обратном направлении достаточно будет автохрона, который встроен в мезоскафандр.

Рустам дал сигнал своей готовности. Погас свет. В глазах замерцали звёздочки, а в ушах заунывно завыл «ветер времени», так эти не очень приятные слуху зловещие звуки называли времяпроходцы, от них по коже пробегали мурашки и к горлу подступала тошнота…

И вот в глаза ударил яркий солнечный свет. Жгучее летнее солнце ослепило Рустама.

Чуть пошатываясь, огляделся.

Он стоял на глиняной почве, ссохшейся до твёрдости камня. Трава вся давно выгорела. Это земля древнего Согда (Согдианы), входящего в состав огромной Персидской империи царя царей Дария. Он обладал сказочным могуществом, его столицу льстецы именовали центром вселенной. Царский двор Дария купался в неслыханной роскоши, не ведая о далёкой и маленькой Македонии, где подрастал честолюбивый Александр, которому его учитель Аристотель внушал мысль о мировом господстве…

А где-то в горном Согде тихо и мирно жил мало кому известный человек по имени Спитамен. В конце концов судьба сведёт их – пути Дария, Александра и Спитамена пересекутся. Победоносный завоеватель разрушит великую империю.

Никто и ничто не сможет противостоять его необоримому могуществу. Никто!.. Кроме отважного безумца Спитамена, который поведёт безнадёжную борьбу, защищая свою родину.

Рустам знал, что все усилия этого человека окажутся тщетными: Спитамен будет разбит и предан своими соратниками. Подло, под покровом ночи, его убьют, обезглавят, а голову отвезут Александру Македонскому, дабы заслужить его милость. Так будет, и довольно скоро, примерно через десять лет, но пока у него другие дела!..

Времяпроходец принялся оглядывать окрестности более внимательно.

Он стоял у подножия высокой куполообразной горы Кантаг, сложенной из серых песчаников и бурых глин. Просьбу историка Рустам намеревался выполнить следующим образом: у него имелся телеинфраскоп, позволяющий сканировать внутреннее строение земных пород. Только первый осмотр займёт несколько минут, все данные уйдут в память компьютера, ну а на каждый последующий хватит мгновенного импульса прибора. Когда обнаружится внутри огонь, то о нём появится сообщение на датчике.

Сейчас изучив недра, он переместится во времени в будущее и вновь, так сказать, проинспектирует гору. Так, постепенно продвигаясь, дойдёт до того дня, когда начался подземный пожар. Точность нужна лишь приблизительная – даже не месяц, а год – этого на первый раз вполне достаточно.

С помощью прибора Рустам осмотрел внутреннее строение горы. И, как он думал, не обнаружил ни малейших признаков горения угольных пластов. Они тут были действительно немалыми, внушали уважение. Угля имелось очень много. Он впервые подумал, что Дувонаев не так уж не прав, говоря о необходимости сохранности этого «чёрного золота» для будущих поколений.

Времяпроходец обнаружил множество естественных пустот, пещер и гротов. Одна из пещер имела широкий вход и более узкий выход с противоположной стороны. Снаружи гору Кантаг покрывала глиняная шапка, поросшая сухой травой и кустарником. От своего времени человека отделяла пропасть в две с половиной тысячи лет.

Небо было чистым, солнце находилось почти в зените, неутомимо палило с утра и раскалило воздух так, что Рустам всей кожей ощущал его жар. Включил кондиционер, а затем перенёсся в завтрашний день…

Это произошло практически мгновенно, он даже ничего не успел заметить: лишь моргнуло солнце и в ушах остался тонкий, почти комариный, писк, словно лопнула струнка. Вокруг всё оставалось неизменным, ничего не изменилось: всё та же гора и жёлтые холмы вокруг. Всё столь же шумно течёт, вспениваясь на огромных подводных валунах, словно сердясь на что-то, речка, которую в будущем назовут Ягноб. Припекает жаркое солнце, чистое синее небо…

Впрочем, на северо-западе появились маленькие белые

облака, которых вчера не было.

Рустам глянул на приборы, они уже просканировали внутренности горы… Огня нет, и приготовился перенестись в следующий день, но тут услышал крики, топот лошадей. Быстро проверил – он невидим человеческому глазу, потому не повлияет на ход естественных исторических процессов, останется только сторонним наблюдателем.

Но что это там?..

По его мысленному приказу телескопический прицел выхватил нужное место из широкой панорамы и увеличил изображение. Рустам увидел скачущих на лохматых лошадях вооружённых людей. Они на ходу в кого-то стреляли из своих тугих луков. Бесшумно летели оперённые стрелы. По противоположному от них берегу бежали три человека: мужчина средних лет и совсем юные парень с девушкой. Как раз в направлении невидимого человеческим глазам времяпроходца. Их спасало лишь то, что берег был крут и всадники не могли спуститься к речке, за которой находились эти трое. Но впереди берег понижался и полого подходил к самой воде…

Рустама охватила нервная дрожь: он знал, что век, в котором он находился, – жесток, в нём царят несправедливость, насилие над личностью и дикий произвол. Здесь сильный без зазрения совести отнимал не только чужое имущество, свободу, но и жизнь более слабого. Он знал о бесправии, о беззащитности простых, малоимущих людей, о их тяжких стра-

даниях… Но какая огромная разница – знать теоретически, что всё это некогда было, и видеть своими глазами, ощущать каждой клеточкой тела обречённость беззащитных людей.

В эту минуту одна из стрел пронзила грудь мужчины. Он рухнул наземь уже бездыханным – острие пробила человеческое сердце. Юноша с криком «отец» подбежал к нему и тут вторая стрела настигла его, а следующая оборвала и его жизнь.

Всадники злорадно заулюлюкали, а девушка растерянно заметалась по горному склону, крича от ужаса и отчаяния. Преследователи уже целили в неё свои грозные луки, но пока не стреляли. Возможно, подумывали о том, чтобы взять её в плен…

В двадцать втором веке жизнь человека считалась величайшей ценностью, так же как и его свобода. Только сам человек – и никто более во всём мире! – может быть хозяином над собой, своим телом, здоровьями, мыслями и словами, только он! Всякое принуждение, а уж тем более насилие, произвол – величайшие преступления, которым нет оправдания. Это было впитано Рустамом с молоком матери, а сейчас на его глазах совершились два убийства и готовилось третье. И что особенно потрясло его, молодого мужчину, умереть должна была совсем юная красивая девушка.

Оставаться в стороне он не мог! Презрев все запреты, Рустам выключил систему невидимости и бросился к несчастной.

Его неожиданное появление смутило преследователей. Они опустили оружие, обменялись гортанными криками, но увидев, что он один, снова натянули тетивы…

Рустам легко уворачивался от стрел, в чём ему помогал его всевидящий компьютер, иначе бы они отскакивали от защитного поля мезоскафандра, выдав его неуязвимость, необычную для простого смертного. Всадники разгорячились, вошли в азарт и стали понуканиями направлять коней в речку… Вот уже вода бурлит возле их ног…

Растерянная девушка металась из стороны в сторону, как подбитая птица, не зная, куда ей бежать, где искать спасения.

Увидев незнакомого человека, она вначале испугалась, испуганно вскрикнула, приготовилась бежать от него, но быстро поняла, что ей хотят помочь, и остановилась, замерла на месте в растерянной позе.

Рустам показал ей рукой, что надо идти к горе, в ней искать убежище. Он вовремя вспомнил о пещере со сквозным ходом, которую приметил при первоначальном осмотре. Им он и намеревался воспользоваться. Замысел прост: лошади в него не пройдут, всадникам придется спешиться, а за это время они убегут очень далеко от преследователей. Да и вряд ли они осмелятся бросить своих скакунов. Когда же девушка окажется в безопасности, он вернётся сюда и продолжит своё дело.

Она поняла его знак и повернула к горе Кантаг. Рустам быстро догнал её, схватил за руку и почти потащил, увлекая

за собой…

Вступив в пещеру, времяпроходец почувствовал некоторое облегчение: здесь его спутница укрыта от стрел, а он сам был абсолютно неуязвим для них. Дружески улыбнулся девушке, желая приободрить её.

Вначале они долгое время продвигались куда-то вниз, потом ход стал почти горизонтальным. Рустам заметил необычно чёрную стену и понял, что это пласт угля…

В тесных стенах гулким эхом отдавался каждый его шаг, чересчур гулким. Он забыл про свой многотонный костюм, ведь последним двигали искусственные мускулы, повинуясь биотокам человека, потому он совершенно не чувствовал его. Во всяком случае, не более, чем обычное трико. А сие оказалось ошибкой. Тяжесть мезоскафандра нарушила шаткое равновесие глыб свода пещеры. Посыпалась пыль с песком, и каменный потолок с леденящим душу звуками шевельнулся, готовясь вот-вот рухнуть…

Рустам кинулся под него, успев по пути протолкнуть вперёд девушку, а сам подставил свои плечи, принимая на себя всю тяжесть массивного монолита. Мезоскафандр, казалось, заскрипел составными частями, но выдержал, устоял под неимоверным весом. Подобно мифическому Атланту, Рустам держал на себе свод пещеры.

А сзади уже слышались шаги преследователей. Увы, времени у него было меньше, чем он предполагал… Причинить ему вред они не смогут, но оставалась беззащитная де-

вушка… Он осознал дикую, вопиющую нелепость ситуации: в своём снаряжении времяпроходец обладал безграничной, почти божественной мощью, но не имел решимости обратить её против людей – живых людей, во плоти и крови, пусть даже несправедливых и жестоких! Для него они оставались в первую очередь людьми. Такими же, как и он сам. Рустам не мог преступить золотое правило философии: поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой. Ахиллесова пята заключалась в нём самом, в его слабой воле, решительности. Рустам даже заскрипел зубами от ощущения своего бессилия.

Из далёкого, очень далёкого детства пришли слова, услышанные им от матери: «Порой добро должно иметь кулаки, чтобы защитить себя. Запомни это, сынок…»

Он легко может пустить в ход лазеры: точечные уколы огненной нити в сердце, при наводке компьютер не ошибётся, и преследовали будут… Нет, так он поступить в людьми не мог! Но он не мог им позволить догнать и расправиться с девушкой. Неужели без кровопролития не обойтись всё же не обойтись?!.

Решение пришло в самый последний момент: Рустам застопорил всю систему мезоскафандра, зафиксировав его в нынешнем положении, а сам выскользнул из него наружу и бросился догонять девушку, оставив механизм держать свод. Спустя некоторое время он вернётся сюда, силовое поле никого не подпустит к мезоскафандру, кроме него…

У выхода из пещеры Рустам наткнулся на девушку – она ждала своего спасителя. Он ободрил её улыбкой, взял за руку и они побежали по склону к зарослям джигды…

Не успели удалиться и на сотню шагов, как земля под ними гулко содрогнулась, швырнув обоих на глинистую почву. Казалось, гора сделала попытку сойти со своего места: рванулась, чуть накренилась, но враз обессилила и сдалась. Замерла. Теперь уже навечно.

Времяпроходец сразу понял, что произошло: преследователи вбежали в пещеру, сотрясение почвы вызвало обрушение свода. Тяжесть горы смяла мезоскафандр и произошёл взрыв силового агрегата. А рядом, припомнил Рустам, находились выходы угольных пластов. Именно их так мечтал сберечь Дувонаев!..

Теперь можно было не спешить – гнаться за ними уже было попросту некому. Рустам сел на камень, обхватив голову руками. Он думал о нескончаемой веренице из двадцати пяти веков, что отделяли его от родной эпохи. Мысленно представил длинную цепь поколений до эры свободного человечества… Бездонная пропасть во времени! А ему предстояло разделить судьбу людей этого века, в котором он обречён оставаться навсегда.

В его голове зародилась мысль. Сначала она пришла в виде интуитивного ощущения, неясной догадки. Рустам сосредоточился и вспомнил об Александре в далёкой Македонии, что явился сюда через десятилетие. Его войска будут гра-

бить, убивать, стирать с лица земли селения и города, опустошать цветущие долины Согда…

Девушка не понимала всей трагичности свершившегося, но почувствовала состояние Рустама, присела рядом и провела рукой по голове бывшего времяпроходца.

Рустам резко выпрямился и встал. Лицо его сделалось непривычно жёстким, непреклонным. Он взял спутницу за руку и они вместе пошли вперёд, в новый для него мир…

+ + +

Десять лет спустя вдоль крутых склонов горы Кантаг продвигался отряд вооружённых всадников. Предводитель сделал знак, все остановились, а он сам пришпорил коня и направил его к подножию горы. Здесь у нижнего яруса гротов спешился. Из небольшой фумаролы выбивался чуть заметный дымок – внутри недр Кантага постепенно разгорался подземный огонь.

Мужчина надолго задумался.

К его ноге подполз зловещего вида паук с крестом на чёрной спинке. И он вспомнил: «Иногда добро должно быть с кулаками…» Нахмурился, наступил на паука и с силой провернул ногу.

Подскакал молодой воин и напомнил:

– Нужно спешить, нас ждут в Мараканде, Спитамен, а тут ещё далёк.

Спитамен кивнул и решительно вскочил на коня. В Мараканде готовилось восстание против македонских захватчи-

ков, и он должен был возглавить его. И возглавит, хотя лучше всех знает ход последующих событий и свою судьбу. Восстание окажется неудачным. Затем в одну тёмную ночь, на ночлеге в горах, подлые соратники, затаив кинжалы, будут притворяться спящими, дабы затем подобраться к его голове и отрезать её в подарок Искандеру Зулькарнейну…

Но сейчас не время думать об этом, у него были куда более важные дела!..

Беззлая

Шайка космических пиратов атамана Бруха на звездолёте «Дьявол бездны» уже вторые сутки искала в условленном месте «Хромого беса» – корабль своих сообщников, такой же банды головорезов, каковой были они сами. На все лады проклинали её главаря Карука: где же он, куда девался, забери его тысяча космических чертей и чёрная дыра? Неужели ещё не прибыл на рандеву или уже покинул намеченное место раньше того времени, о котором договорились?..

Впрочем, Брух сам виноват, опоздал немного: по пути сюда он ограбил грузопассажирский лайнер, летевший из богатых Плеяд в Созвездие Андромеды. Не утерпел, соблазнился благоприятным случаем, хотя они с Каруком намечали куда более выгодное дело и можно было пренебречь подобной малостью. Команда лайнера долго и упорно сопротивлялась, за что была перебита пиратами вся поголовно, вплоть до последнего человека.

Неужели Карук уже отбыл отсюда? Не дождался, обиделся или тоже опоздал?.. Нет, этого не может быть! На него не похоже. Да и один он с тем дельцем не справится, что прекрасно понимает, а потому должен быть где-то здесь. Надо поискать повнимательнее.

Брух сам уселся за сканвизор, не надеясь на своих помощников, и принялся просматривать космическое простран-

ство самым внимательным образом…

Несмотря на свои долгие старания ничего не обнаружил. Видел только холодные далёкие звезды и одинокое оранжевое светило сравнительно скромных размеров, не чёта большинству гигантов, которые превосходили его в десятки, сотни, а иные и в тысячи раз. Совсем заурядное, но именно около него они и договорились встретиться…

Ба, а это что такое?!.

Пират заметил медленно движущуюся звездочку, совсем искорку. До предела увеличил изображение и хмыкнул: «Планета! И даже с атмосферой! Вот это да! Какая-то карликовая, игрушечная планетка! Га-га-га! Карманная планетка! То-то её не заметили. Диаметр – всего-навсего несколько сотен километров. Удивительно, что она ухитряется удерживаться вокруг себя атмосферу, вопреки всем законам науки. Впрочем, плевать на них! Не до наук и умненьких головастеньких, их изучающих! Уж не там ли Карук? Надо проверить, больше ему негде быть!»

Брух запустил сканвизор в режим автоматического поиска и приказал направить «Дьявола бездны» к открытой планете-малютке.

…На уютной зелёной равнине раскинулся изобильный сад с примыкающей к нему небольшой хижиной, больше похожей на шалаш. Возле неё находился дедушка Слав и поливал необыкновенно красивые цветы, над которыми порхали чудесной красоты бабочки с яркой окраской и крохот-

ные эльфы с почти прозрачными крылышками, отливавшими нежным перламутром. Они временно отлетали в сторону, позволяя оросить цветы, а затем возвращались обратно порхать, резвиться. Иные помогали бабочкам опылять цветы. Некоторые попутно лакомились вкуснейшим нектаром.

Вдруг идиллическую тишину разорвали противные визжащие звуки, они шли с неба и с каждой секундой усиливались.

Дедушка Слав поморщился и отложил лейку. Посмотрел на небо, прикрывая глаза от неяркого, но всё же немного слепящего оранжевого света солнца.

А сверху уже с грохотом валился, извергая клубы огня и смрадного дыма, боевой космокрейсер. Он опустился метрах в трёхстах от сада. На борту красовалась гордая надпись – «Дьявол бездны». Моторы стихли. Корабль минуту-две покачался на амортизаторах и недвижно застыл.

– Надо встречать гостей, пусть даже непрошеных, – произнёс про себя дедушка Слав.

Почесал в затылке мозолистой рукой, оправил кумачовую рубашку, отряхнул с лаптей комочки глины и направился к кораблю. Высокая трава полегла, образовав узорную дорожку, ведущую к трапу звездолёта.

Распахнулся люк. Из него показались грозные стволы бластеров, а за ними кровожадные лица пиратов. Они подозрительно оглядывались по сторонам.

Брух воскликнул:

– Отбой! Никакой опасности нет, кроме этого жалкого старикана. Ого, как удачно сели: дорожка от нашего трапа ведет к карманному саду с карманным домишком… Га-га-га! Мы на карманной планете! Эта планеточка ваша, ястребы и коршуны вы мои!

– Ура-а! – гаркнули пираты и шумной гурьбой ринулись наружу. Началась оглушительная пальба по каждой движущейся цели – по птицам, даже бабочкам и крупным насекомым. Кто-то развлекался, иссекая огненным лучом бластера кустарник…

Эльфы тут же попрятались, кто куда сумел и смог. Даже бабочки исчезли.

Дедушка Слав побледнел, изменился в лице, прошептав: «Нет, добром это не кончится! Беззлая этого не потерпит. Так здесь вести себя нельзя. Но как им сие втолковать, как? Ведь ничего не поймут, совершенно ничего, даже бесполезно им что-либо говорить и объяснять».

Глубоко вздохнул.

– Эй, ты, истукан! – крикнул Брух. – Как тебя звать?

– Дедушка Слав к вашим услугам, великий атаман.

– Это хорошо, что к моим услугам. Тут есть ещё кто-нибудь, кроме тебя?

– Нет, никого нет, только я один здесь и живу.

– Один на всей планете? А в лачужке никого не прячешь?

– Да как это возможно – сам едва в ней помещаюсь. Она совсем махонькая, почти как шалаш. Сами же видите, что

тут прятаться негде. Один я, вот вам крест!

Для убедительности дедушка Слав перекрестился.

– Что ж, поверю тебе на слово, раз справки у тебя нет, – изволил пошутить главарь пиратов, уже давно с орбиты самым тщательным образом осмотревший всю планету. – Давай нам жрать, угости гостей, старикан, выкладывай все свои припасы! Надоели корабельные харчи, одни консервы! Да смотри, без фокусов, иначе!.. – атаман положил свою грязную руку на рукоять бластера.

– Пожалуйста, проходите в сад, в хижине вы все не поместитесь. Там я уже приготовил столы. Садитесь, пожалуйста, гости дорогие, а я всё подам.

Действительно, в саду под деревьями уже стояли длинные деревянные столы, а на них – блюда с грузными гроздями винограда, сочными грушами, крупными яблоками, мохнатыми персиками, бордовыми вишнями, лиловыми сливами, оранжевой хурмой, душистой земляникой и дерзко яркой ароматной малиной…

Шайка бросилась к столам. Толкаясь и споря, все уселись, каждому нашлось место.

Брух прокричал:

– Старик, ты забыл о питье, а мы умираем от жажды!

Дедушка Слав послушно направился в глубь сада, где из скалы тёк родничок.

Рядом стояли глиняные кувшины. Пробурчал себе под нос: «Мой любимый деревенский квас их, конечно же, не

устроит. Угощу-ка молодчиков пивом. Пусть будет пиво!» Последние слова он повторил вслух и подставил кувшин под струю источника: сосуд стал наполняться пенистым напитком. Потом другой кувшин, третий, четвертый…

– Что ты там, старая развалина, канителишься? А ну, пошевеливайся, лентяй! Быстрее! Сколько мы ещё будем ждать тебя!

– Иду, иду! – отозвался дедушка Слав, с натугой удерживая в руках кувшины с пивом. – Вот, пожалуйста, пейте на здоровье! Сейчас ещё принесу.

Пираты расхватали кувшины. Расплёскивая содержимое, принялись разливать по кружкам. Брух украдкой проверил напиток карманным анализатором – нет ли в нём какой отравы. Доверяй, но проверяй!

Ничего подозрительного не обнаружил, успокоился и принялся пить, не отрываясь, длинными жадными глотками. Осушил кружку, отёр губы и поднял палец кверху:

– Пиво высший сорт! Даже не помню, когда пил такое. Ну, старикашка, отличился! Хвалю за умение.

– Спасибочки, – скромно ответил дедушка Слав, а про себя подумал: «Может, всё обойдется? Дай то бог…»

– Старик, а покрепче пойло у тебя есть, а? Вижу по глазам, что имеется, прячешь где-то. Только от меня ничего не утаишь. Неси, иначе!..

«Быть беде, Беззлая таких не любит», – мысленно заключил дедушка Слав, направляясь к источнику. Взял один из

кувшинов, стоявших у источника, и задумался: «Какое же питьё им надобно?.. А, ладно, попрошу самое крепкое, чтобы горло продрало!»

– Самое крепкое пойло для них. Ну, пожалуйста, милая Беззлая!

Подставил сосуд и в него полилась струя жидкости с щипающим ноздри запахом алкоголя. Дедушка Слав сморщил лицо и отвернул в сторону, испытывая подступающую к горлу тошноту. Пробормотал:

– Пойло, истинное пойло! Только такое этим диким жеребцам и надо!

Наполнил с десяток кувшинов и перетаскал пиратам. Брух опять проверил содержимое. Хлобыстнул залпом кружку, поперхнулся и сразу же закашлялся. Лицо его побагровело, глаза вылезли из орбит. Пираты оторопели, подозревая самое худшее. Насилу он пришел в себя и уважительно выдавил:

– Вот это да! Сроду такого крепкого зелья не пил! Наливай ещё!

Началась гульба.

Атаман пришел в хорошее расположение духа, подозвал дедушку Слава.

– Что это за планета? Как называется-прозывается?

– Не знаю. Я её назвал… только не смейтесь над стариком: Беззлая.

– Без лая? Без гав-гав? Га-га-га! Чушь собачья!

– Понимаете, я часто видел странные сны: ко мне приходила прекрасная девушка, называла себя хозяйкой планеты. При этом звучала дивная мелодия и в ней часто повторялось похожее на это слово – бе-ез-з-зла-а-я-я… Вот я и стал так называть планету. Понравилось мне это слово. Постепенно я понял, что жить на ней нужно без зла в душе и сердце, творить только добрые дела.

– Глупость! Запомни, старикан: хочешь хорошо жить – забудь про доброту. Это моё кредо. По своему опыту знаю. Доброго легко ограбить, приневолить, убить. Только жестокие, сильные и беспощадные живут хорошо. Ничего просить не следует, а если ты сильный и смелый, то возьми кинжал или бластер и забери себе всё, что захочешь.

Дедушка Слав покачал головой.

– Ты что, дубина, не согласен со мной?

– Простите меня. Возможно, где-то эта философия и годится, но только не для здешних мест. Вот вам крест! На Беззлае жить с ней невозможно…

Удар могучего кулака в лицо сбил дедушку Слава с ног: он аж отлетел в сторону и упал под странным невысоким деревом, которое имело бочкообразный ствол. С его верха свисали огромные широкие листья, похожие на пальмовые. Лицо старика было разбито в кровь. Потерявший человеческий облик Брух озверело потрясал бластером:

– Дерзить вздумал, да я тебя! В мокрое место превращу, старикашка!

– Так его! – одобрительно заорали пираты. – Так ему и надо, будет знать наших!

Кто-то зло выкрикнул:

– Кормит нас ягодками-малинками, негодяй, а мы хотим мяса! Мяса!

– Давай мяса!

– Мяса, мяса давай!..

Один из пиратов поднялся и, пошатываясь, направился в хижину:

– Сейчас я у него всё до дна переворошу, всё-всё выгребу!..

Послышался чей-то крик:

– А вот и наше мясо прибежало!

Из-за близкого горизонта показалось стадо грациозных оленей с ветвистыми рогами.

– О-о! – восторженно пробасил Бурх, поднялся и выбросил можнатую руку в их направлении: – Ату их, ребята, ату! Вам мясо а мне будет чучело в каюту!

Пираты наперегонки помчались на луг. Началась бойня: редкий огненный плевок бластера пролетал мимо цели, автоматическая наводка позволяла стрелять без промаху. Животные взвивались на дыбы, жалобно кричали и падали наземь в предсмертных конвульсиях. Пираты достали ножи и принялись свежевать туши.

Из хижины вышел пират, держа в руках кривой лазерный нож в синтефлонитовых ножнах с изображением козлоного

беса.

– Атаман! – крикнул он. – Ты только погляди, что я нашёл у старикана. Это подозрительно.

Брух подошёл, глянул и изменился в лице:

– Это же личное оружие Карука, я его хорошо помню. Да тут и его инициалы. Откуда оно у тебя, старикашка? А? Где Карук? Что ты с ним сделал? Эй, отвечай: уж не погубил ли ты коварством наших друзей? По собственной воле Карук ни за что бы не отдал тебе своё любимое оружие! Это был ещё и его талисман! Говори всю правду!

В гневе Брух был жутко страшен, его глаза метали гневные молнии. Руки сжимались в огромные кулаки.

Дедушка Слав испуганно прижался к стволу дерева. То ли он притянул к себе огромный лист, то ли тот опустился сам, закрыв старика.

– А это ещё что за шуточки! – проревел атаман и резанул лучом лазера по дереву.

К его неописуемому изумлению, грозное оружие оказало воздействия не больше, чем слабенький свет фонарика: на поверхности зеленого листа осталась лишь едва заметная полоса.

Теряя самообладание, Брух увеличил заряд до предела и принялся яростно стегать дерево лучом, способным прожечь самую прочную гранитную или базальтовую скалу, но здесь совершенно бессильного.

Тогда атаман подскочил к дереву, попытался отодрать

лист, чтобы добраться до дедушки Слава, но не смог этого сделать даже с помощью нескольких пиратов. Листья не только не поддавались яростным усилиям, а наоборот, сжимались всё плотнее, образовав спасительный кокон. Донельзя изумлённый Брух остановился, ничего не понимая.

Громкие крики заставили его выбежать из сада, где глазам атамана открылось ужасное зрелище: его корабль погружался в почву, как в трясину, всё больше и больше кренясь набок. В землю ушла уже половина «Дьявола бездны».

Пираты наперегонки помчались к звездолёту, но скоро их бег стал замедляться, ибо ещё недавно твердая почва развязла, словно после сильного дождя. Они увязали в ней, едва вытягивая ноги. Скоро все пираты совсем остановились, тщетно пытаясь освободиться. Брух глянул вниз – его ноги по колени увязли в земле. Остальные находились не в лучшем положении и были не в состоянии сделать ни шагу. А почва все разжижалась, превращаясь в настоящую топь, болото, лишая головорезов всякой опоры. Вот обезумевшие пираты погрузились по пояс. А от корабля остались лишь верхние антенны локатора. Скоро исчезли и они.

Пираты осознали, что их ожидает подобная же участь. Окрестность огласили истошные крики ужаса…

Дедушка Слав отошёл от дерева, которое освободило его, снова подняв свои ветви навстречу оранжевым солнечным лучам. Омыл лицо водой из источника: кровь почти сразу же перестала течь, царапины затянулись, от ссадин не осталось

и следа. Вышел из сада. Обозрел окрестность.

Всё уже было кончено: из топи лишь кое-где ещё были видны макушки голов пиратов. Содрогнулся от чувства острой жалости: «Бедняги, какая страшная смерть! Я же говорил, я же предупреждал! Только как им объяснить это, как?.. Нет, невозможно. Никто словам не верит. Хоть они и отъявленные мерзавцы, душегубцы, а всё же их жаль. Жаль. Прими, Господь, их грешные души!.. А ведь и я в свое время мог оказаться на их месте, если бы своевременно не одумался».

Заметил в траве кинжал с ножнами, который послужил причиной начала трагедии.

– Это оружие того, что прилетал до них. Был не менее гордым и горячим человеком, с такими же воинственными принципами. Только корабль назывался иначе – «Хромой бес». Как он орал на меня, прямо как настоящий бес! Оскорблял последними словами. В глаз меня саданул, когда я попытался было его предупредить… Но всё без толку, слова на таких не действуют, они понимают только силу. Беззлая им убедительно «втолковала», по-своему, с подобными злыднями она не церемонится. Эх, бедолаги!

Дедушка Слав бросил кинжал на то место, где только что виднелась голова Бруха. Оружие немного полежало, потом дрогнуло и скользнуло вниз в почву, как в воду. Земля снова отвердела, поднялась зеленая трава-мурава с луговыми цветами.

– Вот и всё, – вздохнул дедушка Слав. Троекратно перекрестился.

Постоял, горестно покачал головой, развёл руками и направился в свой садик поливать цветы, над которым по-прежнему безмятежно порхали весёлые эльфы и многоцветные бабочки.

Перекрёсток времён

Латы нагрелись под жаркими лучами полуденного солнца, и сэр Уильям Уоллес чувствовал себя в них, как в жарко натопленной бане. В ложбинках, складках тела копились капли пота, а затем струйками стекали вниз, усиливая и без того противное ощущение собственной беспомощности.

Рыцарь переложил копьё из руки в руку и передвинул щит вправо, желая хоть как-то прикрыться от солнца, а затем хмуро оглядел небосвод. Ни облачка. Глубоко вздохнул.

Конь трусил, разморенный жарой, лениво отталкиваясь копытами от земли. Впереди показался лес. Сэр Уоллес ткнул лошадь шпорами, и та прибавила шагу…

Лесной полог давал густую тень и прохладу. Шелестели верхушки деревьев, словно их перебирала невидимая рука, щебетали пташки. Ловко прыгая с ветки на ветку, прибежала белочка и уселась на суку, но тут же испугалась человека и быстро умчалась прочь.

Рыцарь снял шлём и вдохнул всей грудью свежий, напоенный лесными ароматами воздух. Ему захотелось побросать латы наземь и побежать к речке, побарахтаться в прохладной воде, как он это часто делал дома, в Йоркшире. Вспомнил родных, друзей и вздохнул: он ещё не скоро увидит их, прежде ему нужно совершить немало подвигов и покрыть себя ратной славой.

Покачал головой: эх, скорее бы выдался случай отличиться – сокрушить заморского сарацина или уничтожить злокозненного колдуна, а лучше всего сразить дракона. Вот подвиг, достойный настоящего рыцаря!

Но ничего подобного не подворачивалось. За много дней поисков он лишь встретил противника, такого же бродячего рыцаря, но тот категорически отказался скрестить копья и совершенно не реагировал на оскорбления, брезгливо посмеиваясь.

Сэр Уоллес устыдился, попросил прощения, а тот, выпросив последние ломтики ветчины, мигом уплёл их и нахально заявил, что не наелся, а потому не прощает. Поняв, что больше ничего не получит, уехал с недовольной миной на лице, даже не поблагодарив за угощение.

Эх, быстрее бы подвернулось какое-нибудь чудовище, он бы ему показал! Особенно почётна победа, конечно же, над драконом. Есть же счастливчики, которым они попадались. Например, сэр Грифитсон. Тут сэр Уоллес с завистью вспомнил о том, как на последнем пиру барон повествовал о своём подвиге.

…Чудовище наводила жуткий страх на окрестные селения. Ненасытный зверь требовал себе ежедневно стадо овец, десяток коров, двести гусей и уток, а также восемнадцать самых красивых девушек и юношей. («Странно, почему самых красивых? Неужели некрасивые менее вкусны?..»)

Когда барон Грифитсон в своих ратных скитаниях до-

брался до тех мест, то жители бросились к его ногам с мольбами сразить ненавистного дракона. Понятно, как истинный рыцарь, он не смог не проникнуться их бедами и в ту же минуту устремился на поиски чудовища, которого отыскал на третий день. Укрепив молитвой своё тело, вступил в бой и трое суток смело сражался с ним: дракон извергал из пасти жаркое пламя и смрадный дым, вырывал с корнем столетние дубы и бросал в Грифитсона. Но барон искусно отражал все удары и постепенно срубал одну голову за другой. Наконец, по земле покатилась последняя и хлынула чёрная, дымящаяся кровь.

– Три дня я простоял по горло в ней, – задумчиво вспоминал то счастливое время Грифитсон, – потом она всё же спала и я вошёл в чертоги чудовища. Подвалы его оказались заполненными тысячами несчастных пленников, а в конце подземелья я нашёл семь комнат. В первой – от пола и до самого потолка – лежали свёртки дорогих золотом тканых материй, вес которых почти не ощущался, настолько они были легки. Во второй комнате лежала слоновая кость и рога единорогов, а в следующей – серебро, в четвёртой – золото. В пятую же я едва втиснулся, Настолько её заполняли драгоценные камни: сапфиры, смарагды, топазы, жемчуг, изумруды, опалы, гранаты, бирюза, яшма, нефрит… В шестом помещении лежали отборные алмазы, самый маленький из коих был с голубиное яйцо. Седьмая комната оказалась меньше остальных, там я увидел резной столик из чёрного и санда-

лового дерева, обитого золотыми гвоздиками, шляпку каждого из них украшали рубины цвета крови. На столике находился ларец, а в нём лежал бриллиант невиданных размеров – больше лошадиной головы! Он излучал столь яркий свет, что слепил глаза феерической игрой переливающихся граней.

– Три дня я стоял, глядя на него, потрясённый неземной красотой бриллианта. Потом отпустил пленников по родным домам, разрешив каждому захватить с собой столько сокровищ дракона, сколько он может унести.

После этих слов барон опрокинул в себя содержимое пивной кружки, и жидкость полилась в его нутро, журча, будто небольшой ручеёк.

Слушатели раскрыли рты в безмолвном восхищении, а Грифитсон после сего продолжил:

– Освобождённых мною оказалось столь много, что двум пленникам ничего не досталось, и тогда одному я вручил тот гигантский бриллиант, хотя намеревался – не скрою – оставить его себе в подтверждение своих подвигов, а второму подарил собственную лошадь. Не мог же я отпустить его ни с чем!

– Вот деяние настоящего рыцаря! – хором воскликнули присутствующие. – Ты говоришь правду: тогда ты действительно вернулся без лошади, и куда она делась, мы не знали. Кто-то клеветнически утверждал, что видел, как конь скинул тебя с себя мертвецки пьяного и убежал в лес, но теперь

мы знаем истину.

Барон снисходительно наклонил голову:

– Да, знайте и расскажите об этом другим, пусть не клевещут.

В глубине души сэра Уоллеса таился червь сомнения: ему с трудом верилось, что пузатый, неповоротливый барон способен три дня сражаться с драконом даже с помощью молитвы, три дня простоять по горло в крови и ещё трое суток – перед бриллиантом, ведь он и три часа не в состоянии пробыть без еды и питья. Начиная жевать ранним вечером, Грифитсон заканчивал это занятие поздно вечером… А взяв в руки меч, уставал после какого-нибудь десятка выпадов… Как же барон сумел биться три дня, да ещё отражая летящие в него вековые дубы?.. И увидев сокровища, он сразу же набил бы мешки и дал оттуда дёру. Общеизвестна скаредность Грифитсона: он ходит в гости, чтобы самому меньше тратиться на еду. А уж собственную лошадь он бы ни за что не отдал никому, хоть дерись с ним… Впрочем, всё это догадки, а барон утверждает прямо противоположное. Не станет же он столь бессовестно врать?!.

Сэр Уоллес снова вздохнул: где бы ему отыскать хоть какого-нибудь дракона?..

Вдруг его хлестнула плотная волна воздуха, да с такой силой, что он едва удержался на коне, который испуганно заржал, прижав уши к голове. После рванулся и понёсся вперёд через радужный туман, какого молодой рыцарь прежде

никогда не видывал. Воздух похолодел, солнце скакнуло в сторону, и теперь светило иначе, под иным углом.

Проскакав поляну и странный деревянный мост через небольшую речку, всадник оказался на необычной просеке: по её середине проходила чёрная твёрдая дорожная полоса, удивительно прямая и странно пахнущая. Звонко застучали копыта лошади.

«Тропа дракона, – догадался сэр Уоллес. – А этот странный туман от его смрадного дыхания. Он где-то здесь. А это его замок. А боже, какое удивительные здания, сразу видно, что они – драконовские! А где же само чудовище? Наконец-то я сражусь с ним!..»

Рыцарь перехватил поудобнее копьё, дабы быть готовым к встрече с драконом, надвинул забрало. И уже в следующее мгновение увидел чудовище, но совсем не такого, каким его изображала людская молва.

Сэр Уоллес вспомнил родных, которые ждут его возвращения со славой и устремился на врага, пришпоривая своего коня. В последний момент подался вперёд, умножая силу удара весом своего тела…

+ + +

Междугородний автобус «Бирмингем – Лондон» мчался по скоростному шоссе, проходившему через небольшой лесок, когда полная дама поднялась с переднего сиденья с удивлённым криком:

– Кто это?

Пассажиры посмотрели вперёд и увидели скачущего навстречу всадника в полном рыцарском облачении. Он закрывался щитом, выставив перед собой копьё.

– Псих какой-то! – вскричал водитель и крутнул руль, стараясь избежать столкновения.

Автобус потряс сильный удар и копьё, пронзив тонкую обшивку, протянулось посередине салона, по счастливой случайности никого не задев. Автобус скатился в кювет и остановился там, распугав гогочущую стайку пасущихся в канаве гусей.

Почти минуту пассажиры сидели молча, ошеломлённые происшедшим. Потом поднялся один, и сразу же следом вскочили, зашумев, остальные. Стали выходить наружу, с опаской обходя острие копья.

На обочине билась в предсмертных судорогах серая лошадь, а рядом лежал человек в латах.

Один их мужчин приподнял забрало и прислушался, а затем радостно сообщил всем:

– Дышит, он жив! Просто находится в обмороке. Потерял сознание.

Женщина истерично воскликнула:

– Откуда здесь такой взялся? Уж не кино ли где снимают?

Ей никто не ответил.

Подъехал фермер на небольшом грузовике. Остановился. Посмотрел на рыцаря и удивился:

– Ещё один! И откуда они только здесь берутся!

Водитель поинтересовался:

– Значит, вам уже приходилось видеть такого?

– Да, на прошлой неделе один такой в нашу деревню заехал. Чудик какой-то, всё хотел нас от драконов освободить. Потом куда-то уехал. А куда, мы даже и не заметили. Миссис Уинкшир говорила, что он растаял в воздухе что это был сам чёрт. Но ей говорить, что собаке брехать. Да и она слаба глазами, конечно же, почудилось сослепу. А тот чудик тогда что-то про короля Артура болтал, про круглый стол, Грааля и ещё чего-то.

Джентльмен в котелке посмотрел в сторону леска, куда от шоссе вела грунтовая дорога. Там стоял столбик с неброской табличкой. Дальнозоркий мужчина напряг глаза и прочёл «Запретная зона. Вход запрещён!»

Спросил у фермера:

– А куда ведёт эта дорога?

– Военные лет десять назад купили землю. Говорят, там у них научная база. Понятно, жутко секретная. Только чем они там занимаются, никто не знает. Да они нам не мешают и мы на них внимание не обращаем.

Джентльмен с задумчивым видом повернулся к рыцарю.

Сэр Уильям Уоллес уже приходил в себя…

Стена

Она протянулась у самого края горизонта, окружив сплошным кольцом страну лантийцев. В какую бы сторону они ни смотрели, везде была она – высокая неприступная крепостная Стена.

Лантийцы воспринимали её как естественное явление, ибо привыкли к ней с самого детства и никогда особенно не задумывались: для чего она, коо её возвел, что за ней?

Подходить к Стене категорически запрещалось Законом. Жрецы грозили: ослушников боги покарают безумием и ужасной болезнью, от которой не спасали никакие лекарства – человек гнил и разлагался заживо, испытывая жесточайшие муки.

В старинных преданиях рассказывалось о еретиках, побывавших тайно за Стеной, вопреки воле богов, и умерших потом в страшных судорогах с безумными воплями и стенаниями.

Также в народе передавались слухи об отважном Уре, неведомым способом сумевшем выбраться за Стену. От него люди узнали о прекрасной стране, которая находилась за ней. Смельчаки утверждали, что это был Эдем, где некогда свободно и привольно жили предки лантийцев. Тогда люди обладали могуществом богов и всесокрушающим оружием. Но между ними пошли раздоры и ссоры, которые перерос-

ли во всеобщую войну: они уничтожили друг друга, а чтобы спасти тех, кто остался, избранники богов выстроили священную Стену и за ней укрыли прародителей народа лантийцев. Предки оставили свои заветы: главный из них запрещал выходить за пределы Стены.

Отважный Ур смеялся над жрецами и их запретами. Призывал выйти за пределы Стены. Говорил, что там, в Эдеме, он видел четвероногих животных, о которых говорилось в древнейших сказаниях. Многие считали их вымыслом, сказкой и не верили Уру. А он горько усмехался и повторял, что самая страшная стена та, что в сознании людей. Все стены надо рушить. Живое рождается свободным, а все стены только для того, чтобы держать лантийцев в рабстве…

Его обвинили в ереси и приговорили к сожжению на очищающем огне. Ур мужественно взошел на костёр и до самой последней минуты сквозь бушующее пламя прорывались его проклятия Стене, жрецам и их Законам…

Он погиб, но легенда о храбреце и открытой им стране с необыкновенными животными осталась. Чересчур уж притягательным оказался образ бескрайнего и свободного мира, не имеющего никаких границ.

Верил в неё и поэт Россеч. Его возмущало, что никто из лантийцев не стремился вырваться из плена крепостной Стены, люди даже опасаются говорить о ней. Он ненавидел все ограничения, догмы и запреты.

– Разве мы живем? – исступленно взывал Россеч. – Мы

существуем! Стена задавила в нас все человеческое, убила самые лучшие чувства! Мы находимся в огромной тюрьме! В стране-казарме! Неужели вы не замечаете этого? Куда ни пойди – Стена, куда ни глянь – Стена! Всюду – Стена, Стена, Стена! Она проникала в нашу плоть и дух: в наших умах понаставлены стены! Мы сами себе надзиратели и надсмотрщики! Нужно разрушить все Стены, все до одной!

При последних словах случайные слушатели поспешно разбегались, ибо опасались пострадать за крамольные речи вольнодумца.

Главный жрец Скос – фактический глава лантийцев – не раз предупреждал поэта, требовал угомониться, образумиться, иначе за него возьмется святой суд Троих, так как его слова мятежны и он кощунственно отрицает священные заветы предков.

Но Россеч смиряться не желал. Безумный огонь горел в его широких светлых глазах под гневно нахмуренными бровями. Даже всесильный Скос и тот чувствовал себя неуютно перед такой страстной неустрашимостью поэта. Может быть, его останавливало и то, что в жилах Россеча текла капля крови Ура, прапрадедушки поэта: его до сих пор чтили в народе, несмотря на официальное, осуждение жрецов. Любого другого Скос давно бы заточил в тёмные подземелья Крурак, откуда живым не выходит никто.

Всякое терпение имеет свои границы. Главный жрец все чаще и чаще задумывался: а не пора ли положить конец

действиям возмутителя спокойствия и бунтовщику против освящённого веками порядка?..

Были среди лантийцев и другие, помнившие о прекрасной стране Эдем, и главный среди них – Нис, лучший учёный и изобретатель в стране. О его искусных руках и глубоком уме шла громкая слава. Он с товарищами тайно изучал Стену, производил обмеры, расчёты и в конце концов пришёл к выводу, что её можно сокрушить и тем самым открыть путь к Эдему. Другой вопрос – нужно ли?.. А вдруг там тот самый Ад, о котором так много и красноречиво разглагольствуют жрецы? Они утверждают, что у владыки преисподней ужасный пронизывающий взгляд, который поражает грешников своим чёрным огнём насмерть. Но так ли это на самом деле?

Впрочем, в существование сверхъестественных сил Нис мало верил, ибо не находил ни одного факта, доказывающего их реальность. Ни одного! Были лишь слова жрецов, только слова. Учёного неудержимо тянуло посмотреть, что же находится за Стеной? Его всегда манило всё новое, ещё неизведанное.

Нис изобрёл и в секретном месте построил механический молот. Изощрённая система рычагов многократно умножала человеческую силу. С помощью этого механизма изобретатель намеревался одолеть Стену.

В безлунную тёмную ночь он с друзьями привёз молот к Стене, надеясь осуществить давно задуманное. По очереди, сменяя друг друга, они брались за рукоятку, и от ударов уха-

ла, заметно содрогаясь, Стена. Иногда от неё отваливался кусок, но как он был мал в сравнении с остальным чудовищным массивом?!

Незаметно приблизился рассвет. Нис понял, что потерпел неудачу: его бросят в темницы Крурак, а машину сломают и сожгут. Ах, если бы ему дали ещё одну ночь! Стена бы не устояла: он ошибся в расчётах, она оказалась прочнее, чем он думал, но идея верна – Стену можно сокрушить! Это в человеческих силах.

– Уходите, друзья, оставаться тут вам опасна, – сказал Нис. – Я уже видел поблизости шпионов. Сейчас появятся серые солдаты. А тогда…

– Надо уходить всем!

Нис грустно улыбнулся:

– Разве мы успеем увезти машину и скрыть все следы? А увидев механический молот, каждый догадается, чьих рук это творение. Идите, я остаюсь.

Его товарищи горестно потупились. Действительно, такую машину мог сделать только он, и никто больше! Это известно каждому, от мала до велика.

– Прощай! – только и сказали друзья, чувствуя себя виноватыми перед ним в том, что ему одному приходится жертвовать собой ради общего дела.

Оставшись один, Нис со всей силой отчаяния бросился на Стену, исступленно вкладывая в удары всю свою силу, превратившись в сгусток яростной энергии.

Блоки в Стене шатались, отлетали куски все больше и больше, сыпалась пыль… И вот тут Нис закричал во все горло от радости! – по Стене прошла трещина. Еще немного, ещё чуть-чуть и она сдастся, уступит упорству и настойчивости человека. Нис удвоил усилия, но в эту минуту его схватили за руки серые солдаты и принялись сноровисто вязать веревками.

Командовал ими главный жрец Скос.

– Пустите меня! – кричал ученый, вырываясь из грубых пут. – Я должен её свалить! Я могу её свалить! Вы это сейчас увидите! Пустите меня! Звери! Проклятье вам! Не-нави-жу!

– Безумец! – презрительно процедил Скос. Плотно сжал сухие тонкие губы и с внешне невозмутимым видом внимательно осмотрел Стену. Подошел ближе и прильнул одним глазом к трещине, но сразу же испуганно попятился. На какое-то мгновение утратил маску бесстрастия, тут же быстро овладел собой, придав лицу обычный невозмутимый вид. Собственноручно замазал трещину, а потом велел стражникам:

– Уведите его.

Ученый неистово сопротивлялся, и его поволокли силой по земле, оставляя в пыли длинный след…

Днём на центральной площади жрецы объявили о неслыханном злодеянии Ниса, сообщили, что боги покарали его безумием, а потом, как и предвидел изобретатель, публично

сожгли его машину.

Молча расходился народ, сочувствуя ученому, но никто не осмелился выступить в его защиту.

Лишь один Россеч бесстрашно расхаживал по улицам, громко проклиная Стену и жрецов, призывая лантийцев последовать примеру Ниса. Поэт страстно кричал в закрытые окна домов:

– Трусы, вы боитесь Стены! Верно говорил Ур: «Самая страшная стена та, что находится в нашем сознании!» Она убивает всё лучшее в нас! Преграждает пути к свободе, счастью! Стена делают нас рабами!..

Серые солдаты косо посматривали на него, но не трогали, таково было повеление главного жреца. Тот считал, что еще не время: пусть народ «переварит» одну жертву, немного успокоится, а потом наступит черед и следующей. Слишком уж много недовольных, об этом доносили шпионы, может случиться бунт. Как это произошло, например, после очищения огнем мятежного Ура, о чем свидетельствуют исторические хроники.

Под вечер Россеч разошелся вконец: он напоминал безумного и Скос приказал силой отвести его домой, запереть там и на выпускать до тех пор, пока он не образумится.

Поздней ночью через окно поэт выбрался наружу и направился к Стене. Здесь находился полусонный страж. Россеч оглушил его ударом лома по каске, связал, сунул ему в рот кляп. Затем принялся за дело, оказавшееся не по плечу Ни-

су: стал крушить Стену, пытаясь расширить трещину.

Быстро, ох как быстро летело время, а работа продвигалась медленно. Уж слишком мал был человек перед могучей Стеной. Вот если бы у него имелась машина Ниса, тогда бы другое дело!..

Заалел восток, предвещая скорый рассвет. Еще немного и наступит утро. Оно принесет ему смерть, ибо жрецы не простят святотатства. Россеча схватят и казнят. Он побежден, но не Стеной, а жрецами и их приспешниками. Если бы не, они, то он бы сумел разрушить преграду – ничего священного в ней нет! Это просто крепостная Стена, чудовищной змеей опоясавшая страну и превратившая её в огромную тюрьму, а людей – в узников…

А вот и они!

Поэт увидел отряд серых солдат, направлявшихся к нему. Он посмотрел на Стену и плюнул в сердцах на неё от того, что не успел достичь желаемого.

Решительно повернулся к врагам, не желая сдаваться без боя. Его лицо было спокойным и лишь в глазах стального цвета бушевало пламя гнева. Россеч взял наизготовку лом и шагнул навстречу солдатам. Те оторопели, ибо привыкли, что им уступают безо всякого сопротивления, а вид поэта ясно говорил о его желании драться до последнего. Они же от этого давным-давно отвыкли – их все боялись, им беспрекословно подчинялись.

С опаской солдаты вытянули из ножен сабли, и вовремя:

Россеч первым бросился на них. Под ударами тяжелого лома хрупкие клинки разлетались на куски. Отчаяние придало поэту такую силу, что слабая решимость солдат оказать сопротивление быстро испарилась под неистовым напором противника – они поспешно обратились в бегство.

Россеч не радовался победе, так как сознавал, что выиграл сражение, но не битву. Они вернутся в ещё большем количестве и с арбалетами, а против стрел он бессилен.

Поодаль кучками собирались любопытные. Они с жалостью посматривали на Россеча, считая его обреченным.

Он же не находил себе места из-за бушующего в нем гнева. Сознавал, что жить ему осталось немного, так неужели он будет безропотно ждать, словно баран мясника, пока они явятся и прикончат его? Лучше поработать немного, пусть хоть на самую малость, но ослабить Стену! Потом другой, что придет за ним, довершит начатое.

Поэт взялся за лом, всадил его в щель и сразу же выворотил большой блок. Потом второй, третий… Оказывается, он многое успел сделать за ночь!

С удвоенной энергией налег на инструмент и Стена закачалась. Ну, ещё немного!..

Вдали показались солдаты.

Он надавил сильнее всем телом: Стена вновь дрогнула, и казалось, вот-вот рухнет, но всё ещё каким-то чудом держалась. Неожиданно с решительным кличем ему на помощь бросился светловолосый юноша, и они вдвоем налегли на

лом. Стена пошатнулась…

Солдаты остановились и тут же опасливо отпрянули назад. Едва успели отскочить в сторону и сами смельчаки, как вывалилась часть Стены, образовав проём. С его краев стали рушиться грузные глыбы…

Одна угодила в Россеча, повалив его наземь.

Раздались ликующие крики лантийцев, и пыль еще не успела улечься, как они все в едином порыве, подхватив на руки поэта, ринулись в пролом…

А за Стеной огромным чудесным ковром лежала бескрайняя степь с узорами из ярких цветов на зеленом фоне пряных трав. От них, от безграничной дали, от ощущения только что приобретённой свободы кружилась голова. Все весело смеялись, срывали цветы и составляли букеты, а девушки плели венки и гирлянды.

Из-за горизонта, а не из-за Стены, как они привыкли, неспешно поднялось лохматое оранжевое солнце, и на лантийцев подул тёплый солнечный ветер.

Наступало утро…

– Смотрите, смотрите! – раздался изумлённый крик, и тут все увидели небольшой табунок лошадей, выбежавших из лощины. Значит, это не сказка, не вымысел? Кони и в самом деле существуют!

Они с игривым ржанием бегали по лугу. Легко, точно переливаясь с места на место. Гривы их тяжело тряслись, шерсть блестела от утренней росы, а хвосты стелились по

ветру. Кони, резвясь, летели над верхушками трав, вызолоченные утренним солнцем, как чудесное видение, сказка! Живое воплощение ничем не ограниченной свободы.

Россеч, затаив дыхание и позабыв про боль в ушибленном боку, любовался лошадьми. Никогда в жизни он не видел ничего более прекрасного и волелюбимого, чем они. И слёзы невольно текли из его глаз.

«Библохронокар»

Это было необычно, загадочно и немного досадно: дверь хозяйственной комнаты оказалась запертой родителями на замок. Маленький Алишер недоумевал: почему мама с папой закрыли её? Прячут что-то такое, чего ему видеть нельзя? Обидно, а ведь завтра у него день рождения, могли бы быть к нему повнимательнее…

Мысли мальчика сбились, его осенило, и он всё понял: день его рождения! Именно в нём-то и таится разгадка, ведь точно так же всё было и год назад. Сердце мальчика радостно забилось: ну, конечно же, ему приготовлен подарок. Ура-а-а! Родители просто не хотят показывать его преждевременно, а потому закрыли дверь.

Интересно, что там на сей раз? В прошлом году ему подарили одноместную авиетку с антигравитационным двигателем, которая управлялась автоматически. Ух, какая забавная игрушка! На ней он весь Таджикистан облетал. До Хорога и озера Искандеркуль добирался, а на последних каникулах побывал у самого пика Коммунизма на Памире. Неоднократно летал из Душанбе в Пенджикент, к своему дедушке Холмату-бобо, самому знаменитому в Ходженте ткачу абра – шелковых тканей с феерическими узорами, напоминающими раскрашенные облака. Все зовут дедушку устодом – мастером-виртуозом.

Любопытство снедало Алишера: каким же будет новый подарок? Ничего он не мог с собой поделать. Вздохнул: эх, была не была! Конечно, нехорошо без разрешения заходить в закрытую комнату – раз её закрыли, значит, так надо. Но уж чересчур велик соблазн. И он не смог его преодолеть.

Дверь закрывалась кодированным замком, и чтобы его открыть нужно знать код. Мальчику он был неизвестен, но Алишер давно придумал, как можно туда попасть. Он подозвал домашнего робота «Робию-Т21» и попросил открыть комнату. Механизм запрограммирован на беспрекословное подчинение человеку, а код в его механической памяти имеется, потому что он должен убираться в хозяйственной комнате и всегда может в неё зайти.

Щеки Алишера пылали: хоть робот и неодушевлённый механизм, но мальчик всё равно испытывал стыд от того, что совершил обман. И родителей он тоже обманывает, что ещё хуже. Они ведь могли приказать «Робие-Т21» не открывать комнату по команде сына, но не сделали этого, веря, что он и без того не зайдёт туда, если дверь закрыта. Алишер же оказался недостойным их доверия. Стыдно, очень стыдно!

Сознание вины омрачило настроение мальчика, но тут створки дверей разошлись, скользнув в стены, и он поспешил в комнату. Что же от него скрывали, что?..

Ах!

Он не верил своим глазам: посреди комнаты в полуметре над полом в воздухе висела голубая сфера диаметром метра

два, а на её боку чернела стилизованная под арабский шрифт надпись: «Библохронокар-1 ЭИ».

Теперь он всё понял. Хронокар – это же времяход индивидуального пользования, иначе говоря – машина времени. Он читал о нём. Только что же означает непонятная приставка «Библио…»? Вроде, похоже на слово «библиотека». Но как это связано с машиной времени? Этого мальчик понять не мог и подумал: «Ничего, потом папа всё расскажет, объяснит».

Ах, какие у него хорошие папа с мамой – самые лучшие в мире! Теперь у него будет своя собственная машина времени. Ни у кого в его 3-м «Б» классе такой ещё нет. Вот ребята удивятся и немного позавидуют, хоть завидовать нехорошо. Он, конечно же, жадничать не станет, всем даст попутешествовать по времени.

В памяти Алишера всплыл недавний разговор родителей о том, что уже разрабатывается модель времяхода для детей. Как раз в Институте изучения пространства-времени, где работает отец. Вот хитрецы! Знали же, что подарят хронокар, и специально подготавливали его. То-то папа тогда поглядывал на него хитрющими глазами.

Входной люк времяхода был приоткрыт.

«Я лишь погляжу одним глазком, что там внутри, и сразу же выйду», – успокоил свою протестующую совесть мальчик, отгоняя прочь мысль, что на этом он, понятно и ежу, не остановится. Просто нет сил остановиться, когда перед

тобой машина времени, которая завтра будет твоей. Днём раньше, днём позже – какая разница? Совсем никакой!..

Вошёл. В кабине автоматически вспыхнул мягкий матовый свет, а входной люк плотно закрылся. Щёлкнул замок. Внутри аппарата было почти пусто: только глубокое кресло и пульт управления перед ним. Стенки сферы голы, окрашены в матовый белый цвет.

Алишер уселся в кресло и растерянно оглядел многочисленные датчики, мониторы, экранчики, указатели, кнопки, клавиши и переключатели. Да, разобраться в их предназначении непросто. Вот здесь на табло светится сегодняшняя дата и время – 17 апреля 2106 г., 16 час. 29 мин. Рядом точно такой же экранчик, но только ещё не включённый, под ним клавиши с цифрами. Видимо, с их помощью следует набирать год, день и время, в которое желаешь попасть. Конечно, только в прошлое, в будущее машины времени пока не проникают. Почему – этого мальчик не понимал, ведь теорию пространства-времени они будут проходить только в следующем классе.

А вот две клавиши с красными предупреждающими надписями: «Отправление» и «Возвращение». Как просто! Любой может пользоваться времяходом. Указываешь, в какое время прошлого намерен совершить путешествие, и нажимаешь первую клавишу, а для возвращения нажимаешь вторую. Ничего хитрого нет.

Удержаться Алишер не смог. Да и кому бы в подобной

ситуации это оказалось под силу?! Наугад из головы указал утро 17 мая 1834 года. Сам себя успокоил, что родители вернутся не скоро: папа обычно трудится сверхурочно в своем Институте, а мама – стюардесса пассажирского космолета «Согдиана» – вчера улетела на Луну и будет дома поздно вечером. Он успеет, успеет…

Вдавил клавишу «Отправление». Тотчас же тихо загудел хронодвигатель, едва заметно завибрировал пол. Свет погас воцарилась чернильная темнота, послышались противные заунывные звуки, от которых пробежали мурашки по телу. Отец говорил, что хронопроходцы называют их «ветром времени»…

Стены аппарата стали светлеть, словно бы превращаясь в стеклянные, и во внутрь хронокара проник снаружи солнечный свет.

Алишер огляделся. Он находился у ворот крепостных стен необычайной толщины какого-то восточного города. За ними виднелись глинобитные кибитки, изнурённые знойным солнцем чахлые садики, цветные купола мечетей и высокие стройные минареты.

У ворот толпились люди с хурджинами, мешками, кувшинами и котомками. Некоторые вели в поводу осликов или верблюдов с поклажей. Самые высокие из горбатых животных могли бы дотянуться головами до сферы хронокара, но тот был невидим людям и животным. На этот счёт мальчик был спокоен. Знал он и то, что человек из будущего не име-

ет права вмешиваться в их дела, дабы невзначай не нарушить ход исторического процесса. Можно только наблюдать. Правда, есть люди, которые подолгу живут в прошлом, это – времяпроходцы, существует такая профессия. Они подолгу готовятся, изучают язык, быт, обычаи, нравы соответствующей эпохи и никто не подозревает, кто они. Были дискуссии: а не живут ли в настоящем, 22-м, веке наблюдатели из будущего, также неизвестные никому? Что они изучают, что думают о нашей эпохе?..

Мнения высказывались разные.

У крепостных ворот возникла давка: каждый стремился поскорее проникнуть в город, но прежде следовало заплатить пошлину. Об этом сборщик пошлин вёл разговор с мужчиной крепкого сложения, широкоплечего, с короткой чёрной бородой и такими пронзительными смеющимися глазами, что они, казалось, проникали в самую душу. С ним был выносливый серый осёл. Чуткие внешние микрофоны доносили каждый звук, слышимость была просто идеальной. Алишер прислушался к разговору.

– Откуда ты пришёл и зачем? – задал вопрос сборщик.

Внешне почтительно, но с неуловимой иронией бородач ответил:

– Я приехал из Испагани, о пресветлый господин. Здесь, в Бухаре, живут мои родственники.

«Ага, я нахожусь у ворот Бухары», – догадался Алишер.

Сборщик почесал затылок, запустив кургузые пальцы под

грязную, засаленную чалму, будто стараясь простимулировать мозговую деятельность.

– Так. Ты едешь в гости к своим родственникам. Значит, ты должен заплатить гостевую пошлину.

Мужчина попытался возразить:

– Но я еду к своим родственникам не в гости. Я еду по важному делу.

– По делу! – мгновенно оживился сборщик пошлин. – Значит, ты едешь в гости и одновременно по делу! Плати гостевую пошлину, деловую пошлину и пожертвуй на украшение мечетей во славу аллаха, который сохранил тебя в пути от разбойников.

По лицу бородача пробежала легкая гримаса, словно он готовился хлестнуть в ответ едким словом, но сдержал себя. Со вздохом развернул пояс и отсчитал требуемую сумму, после чего у него осталось лишь несколько жалких медяков.

Но и их не пожелал упускать наглый сборщик. Глаза его загорелись алчным огнем, и он судорожной хваткой вцепился за руку мужчины:

– Подожди! А кто же будет платить пошлину за твоего ишака? Если ты едешь в гости к родственникам, значит, и твой ишак едет в гости к родственникам!

Бородач бросил последние монеты бесстыдному сборщику пошлин, сел на осла и произнес внешне очень смиренно:

– Ты прав, о мудрый начальник. У моего ишака в Бухаре, действительно, великое множество родственников, иначе

наш эмир с такими порядками давным-давно полетел бы с трона, а ты, о почтенный, за свою жадность попал бы на кол!..

С последними словами он энергично пнул осла пятками в брюхо, и тот с места понесся вскачь, взмётывая копытами мелкие камушки и комья глины.

Сборщик пошлин онемел от дерзкого ответа, бьющего не в бровь, а в самый глаз. Затем побагровел, налившись кровью, натужно поднялся на ноги и, задыхаясь от злобы, повелел стражникам пуститься в погоню за оскорбителем, который в это время уже лихо заворачивал за угол дома в ближайший переулок.

Присутствующие усмехались в бороды, пряча улыбки, по достоинству оценив остроту, и радовались посрамлению ненавистного всем сборщика пошлин, известного своей алчностью и мздоимством. Слышались восклицания:

– Вот ответ, который сделал бы честь самому Ходже Насреддину!..

Алишер вскрикнул: как же он не догадался, ведь это был Ходжа Насреддин! Именно с ним произошла эта история, он же недавно прочитал книгу Леонида Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Сомнений нет, это он, сеятель раздоров и возмутитель спокойствия. Так вот ты каков, незабвенный Ходжа Насреддин, весёлый мудрец, защитник слабых и угнетённых!..

Повздыхав, что не успел хорошенько разглядеть такого удивительного человека, Алишер решил отправиться даль-

ше в прошлое, ибо в этом он уже ничего интересного увидеть не надеялся. Перевел время сразу на тысячу лет назад. Нажал клавишу. Всё повторилось: темнота, тихий гул хрономоторов, вибрация, вой «ветра времени»…

На этот раз он оказался в покоях старинного дворца, которые освещали золотые светильники с ароматным маслом. Пол в помещении был устлан пушистыми коврами. На небольшом возвышении среди груды подушек восседал властного вида мужчина средних лет в богато расшитом золотом халате. Он курил кальян, выпуская струйки дыма к потолку. С ним находились две молодые женщины в полупрозрачных кофточках и цветастых шароварах.

Хронокар завис прямо над ними, никому не видимый.

Женщина помоложе произнесла:

– Сестра, уже наступила ночь, и я хочу услышать продолжение твоей интересной истории, если соблаговолит наш великий повелитель.

Они повернулись к мужчине. Тот поощрительно улыбнулся: разрешение было дано. Все трое уселись поудобнее и старшая повела свой рассказ:

– О счастливый царь, с везирем Нур-ад-дином произошла история, которая, если бы записать её иглами в уголках глаз, наверное стала бы назиданием для поучающихся и наставлением для тех, кто принимает наставления.

– А что это за история? – с интересом вопросил мужчина.

«Вай-вай, да ведь это же Шахразада! – тихо ахнул Али-

шер. – Она рассказывает сказки царю Шахрияру. Об этом в книге «Тысяча и одна ночь» написано. А с ней её младшая сестра… Забыл, как звать её. Расскажу ребятам – удивятся, не поверят, что я видел саму Шахразаду!»

Ещё некоторое время мальчик слушал историю о везире Нурд-ад-дине, но потом заскучал и, нажав клавишу на пульте, отправился дальше в глубь времён…

Было утро. Над степью всходило оранжевое лохматое солнце. Слева и справа от хронокара находились воинские станы враждебных армий. Не было счёта шатрам. Казалось, земля трясётся от топота копыт и передвигающихся масс воинов. Лесом кажутся бесчисленные древки их копий со стягами, лохматые бунчуки. Края каждой рати уходили за горизонт.

В стане справа от Алишера бросался в глаза бирюзовый трон, над которым реяло кожаное знамя странной формы, украшенное золотом и драгоценными камнями. На троне восседал седоволосый исполин с величавыми чертами лица. Даже сидя, он был на целую голову выше стоящих рядом с ним богатырей. Вот ему подводят могучего коня, перед которым все прочие лошади кажутся жеребятами. Его шумное дыхание подобно грохоту горного обвала. Исполин встаёт и садится на него.

А с противоположной стороны навстречу ему уже выезжал соперник на таком же рослом скакуне.

Они съехались у невидимого им хронокара, который они

едва не задевали остриями своих копий. Поединщики были достойны друг друга: поражали воображение крутые развороты плеч, могучие груди и объёмистые руки. Только один уже имел седую бороду, а щеки второго покрывал юношеский румянец.

Они обменялись приветствиями. Алишер хорошо слышал каждое слово. Молодой вдруг спросил стихами:

– Как отдыхал ты ночью, лев могучий?
Что ты угрюм, как сумрачная туча?
Скажи мне правду, витязь, каково
Теперь желанье сердца твоего?
Отбросим прочь мечи свои и стрелы
И спешимся, мой ратоборец смелый.

«Почему он говорит стихами? – удивился Алишер. – Неужели так было принято в те времена?»

А юноша продолжал:

– К тебе невольно сердце склонно,
Кто ты такой, я думаю невольно, -
Из рода славных ты богатырей?
О родословной расскажи своей.
Кто ты? – вопрос я многим задавал,
Но здесь тебя никто мне не назвал.
Но если вышел ты со мной на бой,
Ты имя мне теперь своё открой.
Не ты ли сын богатыря Дастана,
Рустам великий из Забулистана?

Нахмурясь, старый богатырь ответил тоже стихами:

– Вчера мы разошлись и дали слово,
Что рано утром бой начнём мы снова.
Зачем напрасно время нам тянуть?
Не тщись меня ты лестью обмануть.
Ты молод – я зато седоголовый.
Я опоясался на бой суровый.
Так выходи. И будет пусть конец
Такой, какой предначертал творец.

Молодой воин сдержал невольный вздох. По всему было видно, что не хотел он боя, но делать было нечего. Легко спрыгнул с коня и двинулся на противника, который тоже спешился и готовился к поединку. Схватка оказалась короткой: молодой ухватил соперника за пояс, поднял и бросил наземь. Тот рухнул, как горная глыба. Торжествующий победитель вынул булатный кинжал.

Алишер ахнул и вскочил с места. Его первой мыслью было помешать убийству, но он вспомнил, что открытое вмешательство в прошлое строго запрещено. Он часто слышал об этом от отца. Что же делать, как быть?

В это время снова заговорил поверженный богатырь. Даже в такой момент он продолжал изъясняться стихами. Седоголовый начал с откровенно неискренних похвал и лести юноше, а завершил свою речь так:

– Но есть такой закон для мужа чести, -
Не должен, и во время правой мести,

Его булатом он разить,
Хоть и сумел на землю повалить.
И только за исход второго боя
Венчается он славою героя.
И если дважды одолеет он,
То может убивать. Таков закон.

Хитросплетённые слова подействовали на молодого неискушённого богатыря, как огонь на воск. Могучий телом и юный душой, он не знал, что старшие могут лгать и изворачиваться, лукавить и хитрить ради своего спасения. Опустил руку с кинжалом, освободил противника. Из уважения к его возрасту помог ему встать, очиститься от пыли, оправить одежду и доспехи…

Смутная догадка в сознании мальчика превратилась в уверенность: эти могучие бойцы – слоновотелый исполин Рустам и его сын Сухраб! Сейчас они об этом не знают. Сухраб пытается выяснить имя своего соперника, но тот молчит, подозревая какую-то хитрость, уловку. Назавтра они сойдутся в новом поединке, и тогда хитростью Рустам одолеет Сухраба, убьет своего сына… А когда узнает об этом, то день для него станет чёрной ночью. Начнёт плакать, рыдать, рвать на себе волосы, но уже будет поздно.

Алишер весь горел от возбуждения: такого не должно быть! Он помешает сыноубийству, помешает во что бы то ни стало. Выходить из времяхода запрещено, но пусть его накажут самым строгим образом, пусть! Он не боится, даже бу-

дет этому рад, зато спасёт несчастного Сухраба! Спасёт!..

Мальчик бросился к выходному люку, распахнул его и стремительно прыгнул наружу… Но что это?! Вместо залитой солнцем степи неожиданно оказался в полумраке хозяйственной комнате своего дома и налетел на кого-то… Не сразу разглядел, кто перед ним из-за резкого перехода от яркого солнечного света в полутьму.

– Алишер, что с тобой? – послышался знакомый голос.

Только тут мальчик увидел, что это его отец. Ещё ничего не понимая, воскликнул:

– Папа, там Рустам, он убьёт Сухраба! Нужно ему помешать! Рассказать, что с ним борется его сын!

– Успокойся, сынок, – ласково произнес отец, – ты находишься дома. А Рустам и Сухраб – это сказочные герои. Сказоч-ные! В действительности они никогда не существовали.

– Но я их видел, – ошеломлённо прошептал Алишер, – видел, когда путешествовал в прошлое.

– Вот оно что, – сказал отец. – Ну, что ж, давай снова зайдём в библохронокар и всё выясним. Должен заметить, что тебе не следовало пользоваться аппаратом, не зная правил эксплуатации. Приставка библо», точнее «библион», в переводе с греческого означает «книга». Так что название «Библиохронокар-1 ЭИ» расшифровывается примерно так: машина для путешествий во времени по книжным мирам, модель первая, экспериментальная игрушка. Понял, сынок, экспериментальная игрушка, а не настоящий времяход? Я

выпросил её для тебя в нашем институте. И, наверное, зря. А? – Отец строго посмотрел на сконфуженного мальчика.

– Прости, пожалуйста, папа, – повинно опустил голову Алишер, – я больше не буду. Честное слово!

– Что ж, на этот раз прощаю. Впрочем, – отец улыбнулся, – как тебя ни простить, если завтра твой день рождения… Но поглядим, что ты видел в своём первом путешествии?.. Указатель каталога книг указывает на раздел «Восток», поиск произвольный, автоматический. Запомни, вот это аппарат записи, при необходимости можно воспроизвести ещё раз своё путешествие или его отдельные части. Потом можно удалить запись, как в видеомагнитофоне.

Мальчик с отцом ещё раз просмотрели сцену сбора пошлин у ворот Бухары, снова с удовольствием выслушал дерзкий ответ Ходжи Насреддина, потом были покои царя Шахрияра с Шахразадой с её сестрой, а в завершении – поединок Рустама с Сухрабом…

– И вот тут ты выпрыгнул, намереваясь спасти Сухраба, – задумчиво произнёс отец. – Да, иллюзия, близкая к реальности. Похоже на настоящие путешествия в прошлое, куда детей пускать рискованно, что, кстати, подтвердил и случай с тобой. Ты бы там такое натворил!.. Но сейчас речь о другом. Я объясню, где ты побывал: сначала угодил в роман Леонида Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Наверное, ты узнал его, не так ли?

Алишер кивнул.

– Затем ты оказался в феерической эпопее сказок «Тысяча и одна ночь». Кое-какие сказки ты уже читал и должен был узнать, кто перед тобой. Следующей книгой, хорошо тебе знакомой, была «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси. Должно быть, тебя удивило, что Рустам и Сухраб говорят стихами. Верно? Но так написано великим поэтом, а библиохронокар с предельной точностью следует авторскому тексту. Ты, сынок, побывал только в трёх книгах, а в памяти кибермозга их десятки тысяч, самых интересных и поучительных. Например, поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея», «Махабхарата», «Летопись каменных лет», «Витязь в тигровой шкуре», «Робинзон Крузо», «Путешествия Гулливера», «Тарас Бульба», «Таинственный остров», «Человек-амфибия», «Три мушкетёра», «Граф Монте-Кристо», «Остров сокровищ», «Руслан и Людмила», «Зверобой», «Принц и нищий», «Борьба за огонь», «Золотой ключик», «Приключения Незнайки», «Борьба миров», «Плутония», «Тайна двух океанов», «Волшебник изумрудного города», «Конёк-горбунок», «Малахитовая шкатулка», «Тихий Дон», «Старый дедушкин кальян», «Оазис Чёрного джинна», «Сказка про Федота-удальца» и многие другие! И путешествовать по ним не менее интересно, чем во времени. Ты ещё успеешь их пересмотреть, потерпи немного. Именно пересмотреть, ведь библиохронокар – это своеобразный панорамный телевизор «наизнанку», а все путешествия – лишь видеофильмы с эффектом панорамы по сюжетам выбранных книг. Для нату-

ральности даже имитируется «ветер времени», работа моторов хронодвигателя и тому подобное, как в настоящей машине времени. А всё это время ты находишься в своей комнате. Но неискушённого обмануть нетрудно, ты же вот поверил в реальность изображения и отважно бросился на помощь богатырям Рустаму и Сухрабу, – отец улыбнулся, – открыл люк и львом ринулся на меня. Едва с ног не сбил. Не дуйся, сынок, шучу.

Алишер покраснел и потупился.

Отец протянул руку, взъерошил волосы на голове сына и ободрил его:

– Наверное, не совсем педагогично сообщать тебе об этом, но я даже немножко рад, что ты ослушался. Да, рад. И знаешь, почему?

Мальчик поднял голову и вопросительно посмотрел на отца.

– Теперь я убедился, что не зря в твоём имени есть слово лев – шер. Ты доказал, что смел, решителен и, что самое важное, имеешь доброе сердце и всегда готов придти на помощь людям. Будь всегда таким, мой мальчик, – Али-лев.

Только захотеть

Суперлайнер галактической компании приближался к цели, планете Тсилланга.

Экипаж и пассажиры заметно волновались, что было делом необычным. Уже давно абсолютная безопасность, уют и даже высокий комфорт являлись непременным условием космических путешествий.

Почти вся карта Галактики была исчерчена густой сетью-паутиной трансгалактических трасс, связывающих между собой множество миров и цивилизаций. А самая странная из всех – планета Тсилланга. Несмотря на то, что она находилась относительно близко от Земли и открыли её ещё на заре космической эры, летали к ней редко. Экспедиция, нашедшая планету, сообщила об очень низком развитии цивилизации, где-то на уровне нашего каменного века.

Спустя некое время было принято решение колонизировать Тсиллангу, но посланная туда военная экспедиция обратно не вернулась. Пропала, словно в воду канула. Было известно, что на планету она опустилась, а всё дальнейшее покрывала плотная завеса тайны.

Схожая история произошла и со второй эскадрой, подготовленной ко всяким неожиданностям куда лучше прежней. Но и она пропала бесследно…

Это отпугнуло вояк от попыток установить свой контроль

над чужедальней планетой. Мирные экспедиции возвращались благополучно, но охотников попасть туда находилось немного. Поэтому рейсы на Тсиллангу совершались крайне редки: раз-два в столетие.

Вести приходили оттуда интригующие, свидетели противоречили друг другу. Невольно вспоминалась давняя присказка криминалистов: врёт, как очевидцы!.. Не было ни одного официально удостоверенного случая встречи с тсиллангаянами, но всё же, откуда-то было известно, что планета заселена. Говорили, что тамошние обитатели все сплошь поголовно феномены, обладающие многими парапсихологическими способностями, в частности, телепатией, телекинезом, ясновидением, левитацией, гипнозом и другими… Иные утверждали, что они могут по желанию изменять свой внешний облик, трансформировать себя во что угодно, но сие уже походило на сказку. Подобным утверждением плохо верили. На Тсилланге не было обнаружено никаких следов мало-мальски развитой цивилизации. Множество самых разных сенсационных гипотез так и не были подтверждены и остались всего лишь предположениями.

Все попытки землян наладить официальный контакт с аборигенами неизменно оказывались тщетными. Не по плечу оказалась сия задача и многим представителям иных внеземных рас. Тсиллангаяне пределы своей планеты не покидали, но новости даже крайне отдалённых цивилизаций они узнавали практически в тот же момент. Никаких враждеб-

ных актов тсиллангаяне не предпринимали, против них же воевать пробовали многие, но итог всегда оказывался неизменным – агрессоры пропадали без следа. Трижды воинственная цивилизация созвездия Гончих Псов организовывала походы против Тсиллангаа, и огромные армады военных асстрокрейсеров высаживались на планету, а затем исчезали навсегда. Это остудило пыл остальных вояк…

Лорд Хентон, потомок древнейшей фамилии, чьи предки участвовали в средневековых походах крестоносцев, захлопнул толстый старинный фолиант. Это был труд известного тсиллангаолога профессора Зальбруннера и назывался он «Тсилланга: легенды и действительность». Несмотря на многообещающее название, он ничего стоящего внимания в ней не нашёл. Усмехнулся: «Забавная смесь слухов, сплетен, домыслов и откровенных баек. Сплошные вопросы, предположения, абсурдные догадки и ничем не подтверждённые догадки…»

Засмеялся сухим, кашляющим смехом, который не понравился ему самому. Он сам не мог понять – чем именно? Отчего-то закружилась голова, и неожиданно лорд Хентон вспомнил о жене, вспомнил с каким-то нетерпеливым беспокойством. Ему захотелось увидеть её немедленно, сию же минуту. Она в это время обычно находилась в своей каюте. За четырнадцать лет совместной жизни он досконально изучил её привычки и всегда знал, где она и чем занимается.

Поднялся и отправился к супруге.

Странно, в каюте её не оказалось. Это не укладывалось в его голове, не поддавалось уразумению. Он испытал странные неприятные ощущения. С ним явно творилось что-то непонятное. Временами кружилась голова и странно путались мысли. Порой возникала тупая нервная боль.

Лорд Хентон припомнил, как недавно, войдя в комнату, он застал жену за разговором с каким-то, будто бы ему знакомым мужчиной. Она тут же закрыла собой экран и выключила телекс. Тогда он не обратил на это внимание, а сейчас страшное подозрение зароилось внутри помимо его воли. По ночам она с ним странно холодна. Правда, если разобраться и он не страдает излишним темпераментом, но раньше всё было по-другому. Что бы это значило?..

Еле заметный стук расходящихся в стороны дверей прервал его размышления. Жена. На её щеках цветёт предательский румянец. Неужели это правда?..

– Где ты была? – голос лорда неожиданно сорвался на крик.

Женщина с состраданием посмотрела на него.

– Ты была с мужчиной? – эти слова он почти бросил ей в лицо.

Почему она не отвечает? Внутри что-то словно оборвалось. Он затрясся: его тело то наливалось судорожной силой, то обмякало настолько, что лорд едва удерживался на ногах. Неужели это правда? Она изменяет ему! Он не мог, не хотел этому верить, но некоторые мелочи в её туалете дали ему

право сказать:

– Ты спала с ним?

Голос его гремел, а лицо покрылось пятнами. Женщина отшатнулась и, закрыв лицо руками, зарыдала:

– Я больше не могу!

Лорд Хентон смотрел на жену в странном оцепенении, его мысли и чувства словно вдруг атрофировались. Он уже словно бы и не жил…

– Она не виновата, в конце концов, она только женщина. Любящая женщина, – раздался в стороне знакомый голос.

Это была тёща. Она показалась ему находящейся где-то далеко, но он мог, протянув руку, коснуться её. Что-то необычное произошло и с его зрением.

Лордом Хентоном овладело отчаяние, в котором утонуло всё его естество. Внутри готовился взрыв эмоций, но старая леди остановила его властным жестом:

– Соизвольте следовать за мной, лорд, я всё объясню вам.

Он покорно пошёл за ней следом в её каюту м анещапно отупевшим мозгом.

Она закрыла дверь и предложила сесть. Вонзилась в него жёстким взором своих серых глаз. С непонятной гримасой выдавила из себя:

– Я надеялась, что до таких разговоров дело не дойдёт. Увы. Не получилось. Очень жаль. Очень.

Он дёрнулся:

– Не понимаю вас…

– Сейчас объясню. Вам придётся услышать весьма неприятные вещи. Постарайтесь, лорд, правильно понять меня.

– Она была с другим?

– Вот что вас, оказывается, волнует! Опять у вас ревность. Отвечаю вам на вопрос о моей дочери: нет, она с другим мужчиной не была. Впрочем, была… И не была… Это не измена… Это всё так сложно объяснить. В последнее время вы ведёте себя очень странно, мы не знаем, что с вами делать. И вот такое!.. Пора сказать вам всю правду. Наберитесь мужества. Вначале небольшое нелирическое отступление… Вы знаете, что человек, открывший секреты планеты Тсилланги, станет сказочно, невообразимо богатым. А мы, наша семья, в последнее время очень нуждаемся в деньгах. Мы на гране разорения, полного краха. Усилиями всей планеты на Земле был создан уникальный робот, с бесстрастным аналитическим умом и внешностью человека… Мы позволили использовать матрицу лорда Хентона: его внешность, его характер, его знания, вплоть до памяти, близкой к генетической. Так знайте же правду: это – вы.

Из него вырвался протестующий крик:

– Неправда, я – человек!

– Успокойтесь, вы не стали хуже от того, что узнали, кем вы являетесь на самом деле. Остались тем, кем и были.

– Я – человек, я – не робот! Скажите, что вы шутите?

– Увы, это не так. Я вам сказала всю правду. Настоящий лорд Хентон с нами на корабле, для всех – инкогнито. Избе-

гает всех встреч с вами. Понятно, по какой причине.

– Этого не может быть!

– Это именно так. Моя дочь общается с вами только для сохранения у вас уверенности, что вы являетесь лордом Хентоном.

– Значит, это с ним тогда она разговаривала по телексу?

– Несомненно.

– Именно от него она явилась сегодня в таком виде?

– Да, она была у своего мужа – настоящего лорда Хентона. Только сохраняйте спокойствие. Я понимаю, сколь тяжела вам правда: она вам не изменяла… не изменяла настоящему мужу…

– Не верю!

– Я могу это легко доказать. Смотрите, что у меня всегда находится в сумочке, которая всегда со мной – это блокиратор. В любой момент я могу отключить вас, как любой механизм. А вы именно такой, пусть и очень сложно устроенный, человекоподобный…

Лорд Хентон рванул воротничок накрахмаленной рубашки – он задыхался от волнения:

– Включайте свой блокиратор и вы увидите, что я не… – его слова оборвались, потолок стремительно рванулся ввысь, а стены стали разбегаться в стороны. Сознание начало угасать, как электрическая лампочка при уменьшении силы тока. Мраком пала темнота, а с ней и абсолютное безмолвие: он словно бы провалился в тартар, тело его сковали неодо-

лимые путы.

Женщина пошатнулась, с трудом удержав невольный возглас. Иллюзия рассеялась. В разговоре с роботом, имевшим полное и точное обличие зятя, ей помимо воли казалось, что она разговаривает с живым человеком, а сейчас перед ней находился правильный металлический куб с матово отсвечивающими цветом маренго сторонами: в него и трансформировался по её команде робот. Неприятный холодок пробежал по её телу, женщина невольно поёжилась.

Вздохнула, протянула к нему руку и снова нажала кнопку блокиратора…

Куб принялся раскрываться, словно бутон гигантского цветка, расти вверх и через минуту в комнате снова стоял робот, внешне не отличимый от настоящего лорда Хентона. Но в каком виде! Он был обескуражен, душевно смят, раздавлен, утратил внешний лоск аристократа, на его лице был написан животный страх.

И он услышал жестокие слова женщины, которая грубостью маскировала свой страх:

– Теперь вы знаете, кто вы. Знаете и зачем вы тут. Вы должны повиноваться мне во всём и всегда. Иначе…

Уничтожающее душу страшное чувство кабальной зависимости от маленькой кнопки всецело овладело им. Это было сродни беспомощности маленького ребёнка, с которым бесцеремонно обращаются взрослые, словно с куклой…

Тут же в его мозгу вспыхнула ярость загнанного в тупик

зверя. Он внезапно осознал всю глубину пропасти, в которой находился.

– Я – человек! – с этим криком он бросился к оцепеневшей от страха женщине и выхватил из её рук блокиратор.

Не устояв на ногах от сильного толчка, она отлетела в сторону и ударилась головой о стену. Потекла кровь. Вздохнув в последний раз, женщина судорожно дёрнулась и замерла.

Наступила звенящая тишина.

Ему было очень жаль содеянного, но он понимал, что уже ничего изменить нельзя. Да и недавнее откровение, поведанное ему, затмило всё прочее, выдавив сожаление. Он осознал его значение. Теперь уже ни одно человеческое чувство не волновало его сердце, ибо он не был человеком. Уже не был, перестав им быть после открытой ему правды.

Длинными, запутанными коридорами он прошёл к выходу. Пассажиры, толпясь в самом узком входе у дверей, выбирались наружу. Он пристроился к общей очереди…

Движущиеся лесенки эскалатора вынесли его на поле, поросшее густой травой, более похожей на ухоженный газон.

Никак построек вокруг не имелось. Местность просматривалась во все стороны. Она была немного холмистой, слева далеко вдали виднелись горы с заснеженными вершинами. Справа текла тихая речка, заросшая деревьями и кустарником.

Оглянувшись, на горизонте он увидел стену густого леса. Над головой находилось совсем земное синее-синее небо с

белыми мазками облачков с привычным светилом. Приятным холодком веял ветерок.

«Совсем как у нас в Йоркшире!» – мелькнула мысль, но тут же следом его резанула мысль, что Йоркшир к нему не имеет никакого отношения – там находится поместье настоящего лорда Хентона, а он только робот, его копия. Никаких прав у него нет…

С холодным, отрешённым лицом он продвигался сквозь толпы людей, удивляющихся его сумрачному виду. Перед ним расступались, Он же никого не замечал, для него всё перевернулось: это был их мир, а не его. Совсем недавно для него словно рухнуло прежнее мироздание, а нового он пока не нашёл.

За ним было бросилась вслед стройная девушка, лёгкая словно мотылёк. В больших, чуть раскосых глазах светилось участие. Но она отстала, не успевая за его огромными шагами.

Он шёл и шёл вперёд. Его память механически фиксировала окружающую действительность, не вызывая никаких эмоций. Сознание было чистым, как белоснежный лист бумаги.

Он не заметил, но в какой-то момент рядом с ним оказалась девочка с двумя задорными косичками, лет десяти-одиннадцати, в простеньком сарафанчике. Она двигалась неспешно, но не отставала от него. Некоторое время они шли молча, лишь иногда оглядываясь друг на друга и встречаясь

взглядами. Его душа понемногу оттаивала. Видимо, осмелившись, девочка спросила:

– Можно мне побыть с вами?

Какое-то новое чувство проникло в его душу. Он замедлил шаги, сообразив, что девочке, наверное, нелегко поспевать за ним. Удивился, а как ей доселе удавалось идти вровень с ним. Даже не запыхалась. Спросил:

– А тебя мама с отцом не заругают?

– А у нас их нет.

– Это ещё почему?

– То есть, они есть, но не такие, как у вас. Они, как мы. Мы не любим быть взрослыми.

– Значит, ты не с Земли?

Она покачала головой и развела руками.

– Значит, ты местная.

Он не спросил, а констатировал факт, который воспринял удивительно буднично, словно не однажды до этого встречался с представителями иных миров.

– А почему вы не любите быть взрослыми?

– Так ведь и вы, люди, считаете, что лучшее время – детство. А мы всегда дети, всегда – в детстве.

Они помолчали. Затем она предложила:

– Хотите, я соберу для вас букет цветов. Смотрите, сколько их на лугу. И какие они красивые! – Он кивнул головой. – А какие вы больше любите? А, знаю, розы!

С последними словами уже бежала к цветущим ку-

стам. Огромные розы, казалось, сами потянулись к ней навстречу…

И вот она вернулась к нему с огромным букетом необычайно красивых и ароматных красных, розовых и белых роз. Приятный запах ощущался ещё издали.

Неожиданно девочка спотыкнулась, он вскрикнул и бросился к ней, желая поддержать её, но девочка не упала, а чуть взлетела над землёй, по инерции понеслась вперёд. Опустилась и с заметным смущением произнесла:

– Извините, пожалуйста, я так неосторожна. Неожиданно всё вышло. А я ещё совсем плохо летаю, только этому учусь, и стесняюсь, когда рядом оказываются посторонние.

– Это очень трудно?

– Что?

– Ну, научиться летать.

– Совсем нет. Любой человек сможет, если захочет.

– Но я же робот! Лишь машина в образе человеческом, а не человек.

– Это почему? Вы тот, кем себя считаете. Это же совсем просто – только захотеть. Захотите – и всё получится. Захотите!..

«Только захотеть? – мужчина вспомнил старый афоризм: «Если вы сильно захотите, то вся вселенная будет помогать вам». – Нужно лишь захотеть».

А он хотел быть человеком каждым атомом своего тела… нет, каждой клеточкой, ибо его тело стало даже больше, чем

человеческим, ведь его желанию стала помогать вся вселенная…

Девочка протянула ему букет роз:

– Они вам. А вон и мои друзья. Видите, нам руками машут, зовут нас играть. Пошли?

Человек улыбнулся и взял своей огромной мускулистой рукой маленькую нежную ручку девочки и они побежали. Он делал огромные шаги, похожие на прыжки, а она будто порхала над землёй. Он не замечал, что далеко не при каждом шаге касался ногами земли, и чем дальше, тем больше его бег походил на полёт…

Зеркало

Первой эту планету открыла группа российских школьников из Самары, которая совершала экскурсию по Млечному пути. Её организовала для них российское благотворительное товарищество «Русь галактическая». После очередного гиперпрыжка в космическом пространстве звездолёт, названный создателями не без иронии «Сивкой-Буркой», оказался в системе неизвестного светила, где имелась планета, удивительно похожая на Землю. Конечно, школьники решили побывать на ней.

Автопилот аккуратно опустил корабль в прелестной долине на берегу милой речушки. Дети гурьбой ринулись к выходу, крича с порога:

– Здравствуй, чудная планета!

– Какая красота кругом! Ле-по-та!

– Просто райский уголок!

– Э-ге-ге-ей!..

С радостным смехом школьники сбежали по трапу вниз, бросили горсть крошек стайке мохнатых пташек, а булкой накормили семиногую зверушку величиной со слона. Старший группы Святослав уважительно похлопал её по объемистому брюху, взобрался на спину и скомандовал:

– Поехали, милая, прокати-ка с ветерком!

Неделю экскурсанты бродили по планете, восторгаясь её

дивными красотами. Плавали в морях, реках и озёрах, купались в водопадах. Ночевали обычно прямо на шелковистой траве под каким-нибудь приглянувшимся деревом. Играли с животными, ухаживали за ними, кормили, угощали ватрушками и пряниками.

Улетать никому не хотелось, но они и так задержались тут сверх программы, а каникулы уже заканчивались.

Все уже сидели в противоперегрузочных креслах, когда Святослав скорее почувствовал, чем увидел неладное. До предела приблизил изображение на внешнем экране… Ах, ты! Птенец выпал из гнезда и теперь беспомощно барахтался среди влажной от росы травы.

Святослав скорее помчался наружу и водвороил неразумного птенчика обратно в гнездо, прочитав ему мораль:

– Не балуйся, малышок, а то снова упадёшь. Веди себя хорошо. Договорились? А нам нужно лететь домой. Не хочется с вами расставаться, но надо. До свидания!

По дороге к кораблю он увидел среди гальки ручья россыпь алмазов величиной с грецкие орехи. «И как же мы их не замечали раньше? – удивился он. – Столько раз тут проходили! Целых двадцать семь штук: ровно столько, сколько нас в группе. Как здорово – каждому достанется по алмазу на память о чудесной планете. Великолепные сувениры!»

На трапе «Сивки-Бурки» остановился, в последний раз огляделся вокруг и, набрав воздуха в грудь, закричал во весь голос:

– Благодарю за гостеприимство, милая планета! До свидания! Какая дивная красота кругом, улетать неохота. Навсегда бы остался, но – увы! – нельзя. Э-ге-гей! – И счастливо рассмеялся. Его звонкий смех рассыпался многоголосым эхом по зелёным долинам, заблудился в перелесках, запутался в резной листве и долго ещё звучал после того, как корабль улетел…

+ + +

Спустя некоторое время эту же планету обнаружил отряд звёздного генерала Блешнера. Генерал объявил готовность № 1. «Мы должны быть начеку. Если враг нападёт, то встретит достойный отпор».

Сначала на планету полетел десантный отряд в космоботе. Термобомбами выжег огромную поляну. «Так мы обезопасим себя от всякой инопланетной нечисти», – сказал командир своим солдатам. Они протянули кругом колючую проволоку и пропустили через неё ток высокого напряжения. За окрестностью наблюдали всевидящие «глаза» электронных стражей, они били тревогу при пролёте птички или даже маленькой бабочки, которых тут же автоматически уничтожали лазерным лучом.

Только затем опустился военный суперкрейсер «Фобос». Для проведения рекогносцировки генерал Блешнер выехал на бронеходе с повышенной защитой.

Мощные моторы легко несли многотонную машину по неведомой планете, сминая молодую поросль, деревца, ку-

старник, уродуя почву. За леском оказалась просторная степь, где паслось стадо грациозных рогатых животных, похожих на земных оленей, но только с семью ногами.

Генерал почувствовал в себе неукротимый охотничий азарт и направил бронеход прямо на стадо, крича:

– Ату их, ату!

Солдаты послушно сели за пулемёты с лазерной наводкой и нажали гашетки: свинцовые струи буквально косили животных, они падали десятками, корчась в предсмертных судорогах. Неутомимая машина преследовала оставшихся, расстреливая в упор, а иных давили всмятку стальные гусеницы. Всю добычу забрать с собой было попросту невозможно, да и охотники-мясники не собирались делать этого, увезли самую малость, а большую часть туш так и остались гнить на месте бойни.

При возвращении на бронеход напала стая хищных птиц. Одному зазевавшему солдату оцарапали лицо, а другому – руку. Пришлось всем спрятаться в машину и задраить люки.

Разгневанный Блешнер приказал открыть огонь по птицам. Лазерное оружие с автоматической наводкой, которую осуществлял бортовой компьютер, промаха не давало: меткие огненные плевки превращали птиц в горящие комки, которые тут же падали вниз. От них загорелась степь. К доселе чистому небу потянулись чёрные смрадные клубы дыма.

В перелеске неожиданно из-за деревьев выбежал слоновоподобный зверь с семью ногами-тумбами и живым тара-

ном ринулся на бронеход. Машина едва не опрокинулась. От удара о стенку у генерала на лбу появился синяк. Атаковать вторично животное не успело, так как было исполосовано лазерным лучом и рухнуло безжизненной горой обугленного мяса.

– Проклятая планета! – выругался Блешнер, потирая ушибленное место. – Совершенно дикая! Но мы не сдадимся, ответим ударом на каждый удар по нам. Наведём здесь порядок! Железной рукой!

Включил электронную систему круговой обороны, и теперь оружие автоматически стреляло в каждое живое существо, которое оказывалось в пределах его досягаемости.

Случайно бронеходу пересекло путь семейство мохнатых животных, напоминающих плюшевых мишек: мама, папа, и четверо малышей. Услышав громыхание мотора и лязг гусениц, животные растерялись, оторопели, застыв на месте, вместо того, чтобы поспешно спасаться бегством. Луч лазера искромсал их, а дело довершили тяжёлые траки машины, превратив симпатичных зверушек в кровавое месиво.

«Электронный страж функционирует отменно, – удовлетворённо отметил генерал. – Конечно, эту безобидную мелюзгу убивать не стоило, но в нашем деле без издержек не бывает. Лес рубят – щепки летят!»

– Ба, что это? – воскликнул один из солдат, показывая на небо.

Блешнер поднял голову. Ещё недавно абсолютно безоб-

лачный небосвод стремительно заволакивали свинцово серые тучи. Стал накрапывать усиливающийся дождь, скоро превратившийся в жуткий ливень, какого никогда не видел генерал. Облака разорвал ослепительный зигзаг молнии, которая угодила прямо в бронеход: его подбросило, как от удара гигантской невидимой кувалды. Сразу же вслед за этим землян оглушил громовой раскат… «Если бы не система защиты с громоотводами, то мы уже были бы покойниками», – подумал Блешнер. И приказал прибавить ходу.

Машина мчалась с предельной скоростью по промокшей скользкой глине, рассекая ливневые потоки. Молнии грохотали уже беспрестанно, каждый раз попадая в бронеход. И сила их росла. Солдаты изнемогали от ударов молний, раскатов грома, со страхом ожидая следующего попадания.

Но вот, наконец, и «Фобос»! Что-то в его положении показалось генералу странным. Корабль стоял на холме, которого, вроде бы, раньше тут не было. Странно. Впрочем, раздумывать было некогда. Бок звездолёта развёрзся, опустился наклонный трап и по нему с ходу бронеход стремительно вкатил внутрь. Створки входа уже смыкались, когда Блешнер прокричал бушующей снаружи стихии:

– Проклятая планета!

А молнии били и били по бронированным бокам суперкрейсера.

К генералу подбежал донельзя встревоженный помощник.

– Что у вас?

– Мой генерал, я бы ни за что не поверил, если бы не показания приборов, которые мы много раз перепроверили!.. Это просто фантастика: под нами идёт образование вулкана. Мы находимся в районе сильных сейсмических процессов. Их эпицентр – прямо под «Фобосом»! – Сильный толчок пошатнул корабль. – Вот видите, мой генерал!

– Давно это началось?

– Спустя некоторое время после вашего отбытия на рекогносцировку. Сила толчков нарастает. Почва поднимается. Посмотрите на внешние экраны, уже появились трещины на поверхности склонов. Скоро мы окажемся в жерле действующего вулкана!

Толчок. Блешнер едва устоял на ногах. Его лицо исказилось.

– Проклятая планета! – проревел он. – Всем по своим местам! Немедленный взлёт! Немедленный!..

+ + +

Когда на Земле сравнили между собой донесения Святослава и генерал Блешнера, то не поверили, что речь идёт об одной и той же планете. Разгорелись жаркие дебаты. Координаты сходились, а вот описания резко контрастные, удивительно не похожие, словно речь шла о совершенно разных планетах.

Какой-то чудак в полемике заметил: мол, и люди на ней побывали разные. Даже привёл в пример зеркало – если су-

дить по отражению в нём, то всякий раз оно оказывается разным. Процитировал детскую загадку о зеркале: «Мудрец в нём видит мудреца, глупец – глупца…»

Но разве могут служить аргументами в серьёзных научных спорах столь легковесные доводы. И яростные дебаты продолжались…

Фирдоуси

«Рассыплются стройных дворцов кирпичи.
Разрушат их ливни и солнца лучи,
Но замок, из песен воздвигнутый мной,
Не тронут ни вихри, ни грозы, ни зной».
Абулькасим Фирдоуси

Да, настроение у меня неважное, не скрою.

Почему?.. Об этом долго рассказывать. Впрочем, если вы просите, то, пожалуйста, расскажу. Мне даже необходимо выговориться. Так с чего же начать?.. Конечно, вы хорошо знаете Абулькасима Фирдоуси и его великую поэму !Шахнаме». Нельзя забыть её героев – слоновотелого богатыря Рустама и его несчастного сына Сухроба, могучего Исфандияра, страдальца Сиявуша, богатырскую деву Гурдафарид… Стихи о них – что словесное пламя!..

Только не думайте, что я поэт или писатель. К литературе я имею косвенное отношение, только как читатель. Работаю на скромной должности водителя МВ, иначе говоря – машины времени. А зовут меня Игнат.

Стыдно признаться, но еще недавно я мало что знал о Фирдоуси, пока мне не подарили на день рождения «Книгу царей» – «Шахнаме». Она произвела на меня неизгладимое впечатление.

Сказать, что книга мне понравилась, – ничего не сказать. Я плакал, когда Рустам вонзал нож в тело Сухроба, не ведая, что становится сыноубийцей…

А когда дочитал книгу до конца, то во мне всё перевернулось. Я захотел побольше узнать о Фирдоуси, но сведений о нём, оказывается, почти не сохранилось. Даже имя его нам неизвестно, ведь Фирдоуси – Райский – псевдоним поэта. О его жизни существует много легенд. Родился он предположительно в 940 году в Иране близ местечка Тус. До тридцатипятилетнего возраста собирал древние сказания, легенды, изучал историю, ездил в Бухару и другие города, а потом приступил к созданию своей эпопеи.

Всё это я вычитал из книг. Вот что он пишет об этом:

«Исследователь детства мирозданья,
О прошлом он разыскивал преданья,
Созвал он мудрецов со всех сторон, -
Да вспомнят летопись былых времен.
Он расспросил их о князьях старинных,
О мудрых, о прекрасных властелинах…»

Свою жизнь Фирдоуси прожил в трагической бедности, почти нищете. Лишь глубоким старцем он завершил взятую на себя задачу – создал книгу книг «Шахнаме»! Это самое большое поэтическое произведение в мире, созданное одним человеком. Только «Махабхарата» по объему превосходит её, но она же творение целого народа, и великого народа!

По совету друзей Фирдоуси посвятил книгу султану Ма-

хмуду Газневиду, однако тот отверг труд мудреца, дав ему ничтожную награду за творение, равного которому ещё не создавали на Земле… В страшном разочаровании, как гласит предание, уходил поэт и, обиженный, роздал деньги нищим, чем вызвал гнев Махмуда.

Пришлось долго скрываться от мести тирана.

Минуло какое-то время, и султан услышал от придворных отточенные, полные волшебной силы строчки стихов. Он пожелал узнать имя поэта, и ему сказали – Фирдоуси.

Тогда, гласит предание, Махмуд Газневид послал Фирдоуси богатые дары… Но когда караван с ними входил в Разанские ворота города Тус, тогда же через Рудбарские ворота пронесли на кладбище тело поэта. А дочь его, несмотря на бедность, не пожелала использовать на себя подарок султана и на эти деньги построила рибат – странноприимный дом.

Эта история поразила меня: какой человек жил! С чем можно сравнить его дивно искусное перо? Разве что с резцом умельца ювелира, превращающего мутный алмаз в переливающуюся всеми цветами радуги живую каплю – бриллиант!..

Простите, что плачу. Не могу удержаться от слез. Сейчас я как наяву вижу его перед собой.

Я долго размышлял над злосчастной судьбой поэта и решил исправить её. Разве должно быть так, чтобы одним доставались все блага жизни, а он, плодами труда которого мы сейчас пользуемся, умер в нищете! Жизнь у каждого из нас

одна-единственная, а он её истратил для других. Чудовищная несправедливость! Нужно, чтобы и он пожил в свое удовольствие.

Эта мысль прочно засела во мне, и я решился её осуществить. Я отправился в десятый век, в 984 год, придав себе подобающий вид, загримировавшись и облачившись в старинную одежду…

Иду по городу, он кажется мне ненастоящим: низенькие глинобитные кибитки, узенькие улочки с мелкой прокалённой солнцем пылью. Раскинув руки, легко достаешь противоположные стены. Скудная растительность в садиках у домиков изнывает от палящего солнца. Зной и пыль. Пот заливает глаза.

Прохожие удивлённо поглядывают на меня. Странно, ведь моя внешность не должна вызывать подозрений – экипирован я в полном соответствии с эпохой.

Потом догадываюсь, что их, видимо, изумляет моя непринуждённая осанка. В отличие от них у меня нет той униженности, неуверенности, настороженной пугливости, которые отличают каждое их движение.

Спрашиваю – мне объясняют, как найти Фирдоуси.

И вот я вхожу в указанный дом. Некоторое время жадно разглядываю поэта: мужчину крепкого телосложения лет сорока пяти с пышной бородой. Приглядевшись, замечаю в ней проседь. Взгляд его тёмных глаз устал, но ясен. Замечаю, в саду бегает подвижный мальчик лет одиннадцати с чертами

лица, похожими на Фирдоуси. Это был его сын Касим.

Не скоро мне удалось растолковать, кто я такой и зачем к нему явился.

Он сильно опечалился, когда я рассказал, какие невзгоды его ожидают в грядущем.

– О аллах! Неужели будет именно так? – прошептал он.

– Увы, об этом говорят известные нам предания.

Я не смог вынести его пристального взгляда и отвёл глаза, будто в чём-то провинился перед ним. Сказал:

– Но этого не должно быть. Я принёс вам вашу книгу «Шахнаме», которую вам ещё только предстоит написать. Теперь вам не надо все эти годы страдать, сочиняя её, – достаточно лишь быстро переписать. А оставшуюся жизнь можете делать всё, что вам будет угодно. Вы ещё крепкий мужчина и при вашем уме и таланте сумеете многого добиться. Берите, вы это заслужили!

Он взял книгу и с любовью оглядел обложку, где был изображен исполин Рустам на могучем Рахше. Со вздохом погладил. Из его глаз выступили слёзы.

Этого я перенести не смог, да и срок моего пребывания в прошлом подходил к концу, поспешно простился и ушёл.

Вернувшись в свое время, я поспешил в библиотеку, желая узнать, как же сложилась жизнь поэта после моего визита. К моему величайшему изумлению, она не изменилась ни на йоту! Я не верил своим глазам! И тогда решил отправиться к нему вторично, на этот раз уже в более позднее время,

в 1017 год, чтобы разузнать, в чём же дело.

Отыскал Фирдоуси и, встретившись, с трудом узнал его: он был уже старцем преклонных лет, согбенный, весь седой, с редкой бородой и дрожащими руками. Под глазами неисчислимые морщины. Только взгляд оставался всё тем же: лучистым и непреклонно твёрдым.

Он узнал меня и удивился, что я ничуть не изменился. Я пояснил, что по моим часам мы расстались с ним около двух суток назад. Он глубоко вздохнул. Нам принесли чай, и мы уселись на старом потёртом ковре, поджав ноги. Он спросил: хорошо ли знают его книгу потомки?

– Знают?! – едва не задохнулся я от волны эмоций. – Да она известна всему миру! Кто ещё из поэтов может сравниться с великим Фирдоуси? Разве что Гомер! Но его «Илиада», например, в восемь раз меньше «Шахнаме». Не в количестве дело, но кто может без душевного трепета читать о злодеяниях змеегривого Заххака, о подвигах могучего Рустама, о горькой доле его сына Сухроба, богатыре Исфандияре!..

Много я говорил, а он молча слушал и только покачивал головой в такт моим словам, полузакрыв глаза, а в них – я видел! – разгоралось пламя. Вот он тихо заметил:

– А Унсури и Фаррух, придворные поэты, утверждали, что бессмысленно описывать подвиги давно умерших воинов. Мол, в войске султана Махмуда имеется немало живых героев, нужно слагать дастаны им.

– Жаль, – развёл я руками. – Стихи этих поэтов я читал,

они умные люди, но говорили такие глупости. Наверное, из зависти… А как книга, которую я принёс вам, помогла вам?

Он наклонил голову, потом поднялся и принёс «Шахнаме» с Рустамом на обложке, завёрнутую в красный платок. Страницы её стали жёлтыми, ломкими.

Мне казалось, что я её держал в руках два дня назад, а для них с поэтом пролетело почти тридцать лет!

Открыл, иссушенные страницы шуршат, и только тут я заметил, что некоторые листы не разрезаны. Я забыл вам сказать, что взял для Фирдоуси совершенно новую книгу. Мне стало ясно, что поэт не воспользовался подарком. Но почему, почему?!

Фирдоуси ответил:

– Иначе я поступить не мог, это была бы не моя книга, а стать обманщиком мне не хотелось. Да и чем бы я занимался оставшиеся годы? Все богатства и развлечения – прах перед радостью труда, созидания.

Слёзы невольно выступили на моих глазах, и я отвернулся, а чтобы сгладить неловкость, спросил:

– А где сейчас ваш сын Касим?

– Умер, – просто ответил Фирдоуси. В его голосе прозвучало страдание.

Он тихо добавил, больше для себя, чем для меня:

– Был мой черёд покинуть этот свет, но милый сын ушёл во цвете лет…

Какая бестактность с моей стороны! Я жестоко корил се-

бя, но содеянного не исправишь…

В чахлом винограднике завозилась птаха, и я вспомнил о времени – нужно было возвращаться. Сказал об этом поэту.

Обнимая меня на прощание, Фирдоуси сердечно поблагодарил:

– Спасибо за книгу, она очень помогла мне. Когда приходилось трудно и отчаяние подступало к сердцу, то я брал её, вспоминал вас, и новые силы рождались во мне. Я знал, что мои труды не пропадут даром, отзовутся в благодарных сердцах потомков…

Уходил от него как в тумане. Мне было горько, что я так и не сумел ничего изменить: караван с дарами султана Махмуда Газневида войдёт в одни ворота города, а через другие на грубо сколоченных носилках вынесут бездыханное тело поэта, умершего в беспросветной нищете и практически полной безвестности…

Заповедник

Торелёт появился на космодроме внезапно и совершенно бесшумно, словно сгустившись из воздуха.

Пит Хартли, главнокомандующий Галактического флота, невольно вздрогнул, хотя прекрасно знал, что именно так всегда и появляются корабли чллегов из подпространства.

Бок матово светящегося торелёта развёрзся, и наружу выпрыгнул чллег – представитель космических союзников землян. Он остановился, чуть покачиваясь, сжимаясь и разжимаясь, точно пружина. Собственно говоря, инопланетянин походил на неё, ибо имел форму пирамидальной спирали, верх которой увенчивала массивная голова с десятком отростков-щупалец: одни выполняли роль рук, другие несли на себе органы зрения, слуха, обоняния, осязания и ещё чего-то. Люди имели весьма туманное представление об анатомии и физиологии своих союзников.

Пит Хартли отдал команду. Строй почётного караула застыл, и он направился навстречу высокому гостю, чётко печатая шаг.

…Перед прибытия союзника командование долго спорило: как встретить его, чем развлечь? Несомненно, земляне и чллеги разнятся между собой не только внешне, но также во вкусах, привычках, психологии и прочем.

Идею подал сам главнокомандующий. Он предложил по-

сле официального приёма устроить гостю охоту в стиле «ретро», ведь такое развлечение, наверняка, придется по вкусу любому разумному существу, – оно у них в крови.

Остальные согласились с ним, тем более что других предложений попросту не было.

У Пита Хартли имелось ранчо на севере Аризоны близ Национального охотничьего резервата. Туда он и направился с гостем. Разрешение на охоту власти выдали без проволочек, так как всё человечество было заинтересовано в установлении наилучших отношений с чллегами, пока единственными союзниками землян в межгалактической войне с кар-рошами, которых бойкая пресса именовала «ужасом вселенной», «химерами бездны», «звёздными диктаторами» и словечками похлеще.

Название своих врагов, «кар-роши», люди позаимствовали у чллегов, но с ними столкнулись значительно раньше, когда вдруг за пределами Галактики стали без вести пропадать звездолёты. Другие же корабли против воли экипажа неожиданно оказывались повёрнутыми на сто восемьдесят градусов, причём – одномоментно и совершенно незаметно для экипажей. Это люди вдруг обнаруживали лишь по приборам, неожиданно заметив, что летят в прямо противоположном направлении. Было похоже, будто кто-то упорно не желал выпускать человечество за пределы их Галактики. Иной раз загадочно вспыхивали и гасли звёзды, бесследно исчезали целые звёздные системы. Порой даже те, которые начинали

осваивать колонисты Земли. Причина всего этого стала ясна после того, как был найден контакт с чллегами, чья цивилизация по своему уровню несколько превосходила земную. Они-то и сообщили о кар-рошах. Так стали явью давние гипотезы о космических врагах.

Человечество сплотилось, пожертвовало очень многим, дабы построить военный флот для борьбы с кар-рошами…

Впрочем, слово «борьба» – чересчур громко сказано: как прикажете действовать против неприятеля, которого никто не знает, никто не видел, никто ничего не ведает о его местонахождении и возможностях. Даже для чллегов всё это в немалой степени являлось загадкой.

Было решено заключить военный союз с чллегами. Те не сразу, но всё же дали своё принципиальное согласие. О конкретных совместных действиях говорили туманно, неопределённо и для более тесного сплочения предложили обменяться полномочными представителями. И вот на Землю прибыл их посол…

На военном гравилёте Пит Хартли с гостем полетели на ранчо. Здесь переоделись, причём инопланетянин ограничился сменой фосфоресцирующей накидки на голове. Вооружились старинными ружьями марки «винчестер».

– Это лучшее оружие для спортивной охоты в старом стиле, – пояснил главнокомандующий, – более современное вообще не оставляет шансов дичи.

На аэрокаре они долетели до Кайбабадского плато, где на-

ходился охотничий резерват. Дальше пошли пешком.

Несмотря на свой несуразный вит, гость двигался легко и уверенно, чему Пит Хартли втайне поражался. Они прошли с полкилометра, но дичь не встречалась. Чтобы не ощущалась скука, главнокомандующий завёл разговор: поинтересовался через киберпереводчика – давно ли чллег служит в армии, какой имеет чин?

Тот ответил, что у них вообще нет армии, во всяком случае в таком виде, в каком она существует на Земле.

– Но как же вы тогда обороняетесь от кар-рошей? – изумился Пит Хартли.

– Да никак, – последовал неожиданный ответ. – Мы и не думаем обороняться.

– Ничего не понимаю!

– Постараюсь вам объяснить. Скажите, где мы сейчас находимся?

– На Земле, в Америке.

– А если более конкретно, в какой её части?

– Э-э, в штате Аризона, в Национальном охотничье резервате. Это нечто вроде заповедника.

– А для чего нужен резерват, который вы называете заповедником? – продолжал задавать странные вопросы гость.

Главнокомандующий собрался с мыслями и принялся объяснять:

– Ну, этот и ему подобные участки земли – заповедники – оставлены для диких животных. Люди берегут, заботятся о

них, охраняют от браконьеров, увы, бывают и такие. В зимнее время подкармливают зверей.

– А если какое-нибудь животное выйдет за пределы заповедника? Он же не ведает о его существовании и начертанных вами границах.

– Его могут и пристрелить… иногда встречаются подобные негодяя. Но таковых у нас становится всё меньше и меньше. Большинство же постарается направить заблудившееся животное обратно в заповедник.

– Вы говорите «заповедник», – оживился чллег. – Очень уместное слово! А теперь скажите, как вы называете вон то маленькое животное?

Пит Хартли не сразу сообразил, о ком его спросили, хотя посол и указывал щупальцем. Не сразу разглядел ползущего по земле муравья. Зрение инопланетянина было поразительно острым.

– Это муравей, безобидное насекомое.

– Как вы считаете, какое военное сопротивление он может оказать вам, если вы попытаетесь раздавить его своим каблуком?

Главнокомандующий представил себе такую фантастическую ситуацию и невольно рассмеялся: ну, не смешно ли – война муравьёв с человечеством?! С трудом подавил не очень уместный смех и сказал:

– Нелепо даже и говорить об этом, совершенно абсурдный вопрос!

– Конечно же, сие чистейший абсурд, но я сказал об этом для образного примера, в качестве аналогии, – многозначительно произнёс чллег, – стараясь наиболее точно ответить на ваш вопрос.

До Пита Хартли наконец дошёл смысл «странных» вопросов союзника. Лицо его вытянулось и он процедил, сдерживая сильнейшее возмущение:

– Люди – не муравьи!

– Мы – тоже, но не уверены, что между нами и кар-рошами меньше дистанция, чем между разумными существами, каковыми являемся мы с вами, и муравьями. Так можем ли мы всерьёз говорить о вооружённом сопротивлении, скажите сами? Здесь необходимо нечто совершенно иное.

– И что же, безропотно смириться с тем, что они устроили из нашей Галактики заповедник?! – вскипел гневом главнокомандующий. – Нет, нет и нет!

– Успокойтесь, я не хотел вас задеть, а только несколько прояснил ситуацию, – сказал чллег. – Она и для нас ясна не полностью, но мы в панику не впадаем. Как вы, несомненно, заметили, кар-роши не особенно агрессивны. Правда, определённую опасность представляют, спора нет. Как, к примеру, ваши браконьеры для животных земных заповедников. Они, кар-роши, я думаю, любят охоту не меньше нас с вами. Она у них в крови.

Пит Хартли поразился, насколько точно посол повторил его слова, сказанные им на вчерашнем совете – «охота у них

в крови».

А инопланетянин продолжил:

– Смотрите, какой красивый зверь! Пора нам прекратить болтовню и заняться самым увлекательным делом на свете – охотой!

Чллег поднял винчестер: одно щупальце с глазом прильнуло к мушке, а другое мягко спустило курок…

Пуля попала точно в цель. Чернохвостый олень ничего не понял, ноги его подкосились, и он рухнул наземь, уткнувшись носом в пожухлую траву. Несколько раз конвульсивно дёрнулся и застыл.

Главнокомандующий подошёл к нему.

Глаза оленя уже остекленели – жизнь ушла из них, но они продолжали смотреть на мир удивлёнными ничего не понимающим взором. Пит Хартли содрогнулся: на какое-то мгновение ему показалось, что перед ним лежит разумное существо. Он покачал головой, отгоняя наваждение. Протёр глаза и увидел, что ошибся – то был просто олень. Дикое животное из заповедника. Их законная добыча.

РИСУНКИ НА ОБЛОЖКЕ:

1. Pixabay License. Бесплатно для коммерческого использования. Указание авторства не требуется: fee-3041679_960_720

2. Pixabay License. Бесплатно для коммерческого использования. Указание авторства не требуется:

robot-1635794_960_720

3. Pixabay License. Бесплатно для коммерческого использования. Указание авторства не требуется: f7cb86c7705932e8d70b49b96d8b8ffa